

СЕРДЕШНАЯ ОКСАНА.

съ малороссійскаго.

Ничего нѣтъ въ свѣтѣ чище, нѣжнѣе, свяшѣе — и попому Богу пріятнѣе, какъ чувство матери къ дѣтѣмъ! — Сколько бы ихъ ни было у нея, благословилъ ли Богъ хоша бы десятью, или одно было бы, они, для нѣжности ея все равны: каждого равно любилъ, равно печется, и о каждомъ въ одинаковой мѣрѣ беспокоится. Девять здоровыхъ, веселыхъ, игривыхъ кругъ нея, а одно мрачно, спонется, морщится, недугуетъ, — и она беспокоится о немъ, тревожится, боится, чтобы еще сильнѣе не занемогло, чтобы не сообщило и изъ прочихъ кому своего недуга.... Жаль спрадающаго, опасно за здоровыхъ. Сердце ея разрывается на части!.... Ей не тяжело никакіе труды, заботы, лишенія, лишь бы тѣмъ могла она доставить имъ покоиство, утѣху, опростить скорбь. Ничто не тяжело ей въ пакихъ заботахъ, ничто не трудно въ пожертвованіяхъ. Въ рѣзвостяхъ, въ шалостяхъ дѣшей, она, не какъ отецъ, начнешь унимать, увѣщевать, уговаривать, — но и шутъ прокрадывается ласка: — »не дѣлай пакъ, миленькій. Ты мнѣ эпимъ досаждаешь.... Глядя на швою несправимость, я шужу о тебѣ....« — Въ большей винѣ, она уже говоритъ сыну: — »Ты меня заставилъ плакать мнѣ жаль ласкать тебѣя равно съ другими дѣтьми моими.... Успокой меня, исправся.« И надъ какимъ ожесточеннымъ сердцемъ не произвели бы пакія слова своего дѣйствія?

Вспомнимъ свое дѣтство ; кто изъ насъ не былъ тогда шалостливъ, неопрятенъ, лѣнивъ, упрямъ, непослушенъ? Вспомнимъ , что больше служило къ нашему исправленію : опцовское ли взысканіе , или мадеринскіе выговоры , приправленные ласкою? — А если къ тому увидишь , или только замѣшишь слезы , въ дорогихъ для себя , глазахъ ея.... Господи милосливый! всѣ глупости бросишь , все злое, нехорошее оставишь , и изъ всѣхъ силъ спарашься добрымъ поведеніемъ заставишь ее забыть нанесенное ей огорченіе. Она же прежде тебя все забыла. Святое дѣло, мать! — Милосердый Господь въ небесахъ , вмѣсто Себя, далъ намъ любовь родительскую на земли: отецъ насъ правляетъ со взысканіемъ , и чѣмъ молодой человѣкъ опъ сурогого преслѣдованія не пришелъ бы въ уныніе и не потерялся бы опъ сурогостей , постоянно имъ испытываемыхъ , шущъ благое Провидѣніе даровало ему нѣжность, крошость мадеринскую , съ любовью и снисхожденіемъ , какъ естъ Самъ Господь милосердый къ намъ грѣшнымъ.

Вопъ небольшой примѣръ любви , крошости и снисхожденію сердца мадери при самомъ сильномъ пораженіи его.

Была вдова — оставимъ при нихъ собственныя имена, хотя шрудныя для произнесенія взлелеянному Французскими словами выговору ; — но шакіе же люди , подобные Эрасмамъ , Адольфамъ , Луизамъ , Эвелинамъ , носили ихъ , пусть заинтересуютъ хотя спраннымъ своимъ : — была Бѣкла Ведмѣдиха. И что за женщина? На все село, гдѣ жила, разумная, разсудливая, богобоязненная, и хорошаго, честнаго рода. Самъ сельскій голова частехонько къ ней за совѣтомъ приходилъ, и она такъ разсуждала обо всемъ, что не только онъ, но и всѣ спарики не придумаютъ такъ , какъ скажешь она и , глядишь , все выходило хорошо. Она не хотѣла вмѣшиваться ни во что , не ходила къ волосшному правленію , никогда не разспрашивала , за чѣмъ собралась громада и о чемъ

раду ведушь; и не вмѣшивалась ни во что, но сама по себѣ знала все, и что къ чему и для чего пригодно. Крѣпко разумна была!

Была досташочна. Имѣла землю, рабочаго скопанисколько, въпряную мѣльницу; оставшись же вдовою, распорядила всѣмъ: землю отдавала обрабатывать съ копны, мельницу съ мѣрки; и всѣ условія сдѣлала съ честными, богобоязливými людьми, чтобы не обидѣли ее, спосили условленное въ срокъ, и не приводили бы ее жалѣть, что съ недобрыми людьми имѣешь дѣло. Скопину продала, и начала жить деньгами, безъ дальнихъ хлопотъ, тяжкихъ для женщины.

Умеръ ея Охримъ, а шупъ объявилась ревизія. Вопъ, послѣ Семенова дня (1-го Сентября) пришла она въ волосное правленіе, поклонилась, какъ долгъ велишь, головѣ, и всѣмъ судящимъ, и говоритъ: — „А что, пане голова, и вы, панове громада! вопъ уже и Сѣмена прошло, Святой Покрови дождемся скоро, а десяпникъ не приходилъ ко мнѣ ни одного раза, и не заказывалъ о взносъ подушнаго.“

— Да швой Охримъ умеръ! — сказалъ голова.

„И соспойтъ исключеннымъ изъ ревизскихъ сказокъ и изъ общеспвенныхъ вѣдомоспей!“ шакъ подхвапшилъ писаръ, оставивши писанъ свое и поспряспи кудрами.

— Знаю больше всѣхъ, что онъ умеръ,—говорила Вѣкла: — знаю и то, что онъ спойтъ заключеннымъ у вѣдомости, какъ панъ писаръ называетъ по письменному, по грамошному; но я все-таки хочу плашишь за моего Охрима, пока сама живу. Благодарю Бога, еспъ изъ чего взносишь мнѣ за него! И мнѣ веселье будешъ, что я плачѣ за моего Охрима—пуспъ онъ царспвуешъ тамъ! Пришомъ же буду чванишься, что и я, словно мужчина въ свѣспъ, шуда же за добрыми людьми взно-

шу Царское и на войско, что насъ оберегаешъ. Да изъ общеснвеннаго не выписывайше: пусть и я взношу, по чемъ-шамъ у васъ положено съ души. —

»Какъ эшо можно, — говорилъ, удивляясь, голова: —

— Казусное дѣло? — опозвался писарь, полча себя пальцемъ въ лобъ: — »не имѣеся примѣра. Нужно — надобно испросить разрѣшенія опъ Ихъ Высокоблагородія, господина Земскаго Исправника. —

»Не нужно никому и разрѣшашся — сказала вдова: — »и ны, пане писарь, не разрѣшайся и не дури; а вопъ чшо, панове громада, сдѣлайше: выпишише какого колъку, или бѣднаго сиропу, а съ меня взыскивайше. Пусть-таки и я не даромъ живу на свѣтѣ.»

— Развѣ шакъ! — ну, когда шакъ, шакъ и шакъ! — загудѣла громада обычное свое на сходкѣ слово »шакъ« чшобъ не долго придумывашъ свое, и поспановили по желанію Вѣклы. Вопъ и пошла по всему селу слава, что Вѣкла споишъ въ ревизіи и плашишъ подушное; а она говоришъ на шо: »шакъ и надобно. Лучше же мнѣ опъ доспанка плашишъ, чѣмъ послѣднее взыскивашъ съ сиропы или убожеснва. Вѣдь же и я у Царя нашего и обережена и успокоена какъ и всякій человекъ: смогу шпанушся за людьми. Опдамъ дочь, приму къ себѣ зяни, шогда и за двухъ плашишъ буду.»

Она уже вопъ - вопъ ожидала зяни. Вопъ - вопъ, въ Филиповку, послѣ праздника Зачатія Св. Анны (9-го Декабря), какъ слѣдуешъ, по порядку, начнушъ шван-дять по селу спаросшы и высвашывашъ дѣвокъ, и будупъ у нее, пошому чшо ея дочь, Оксана, какъ дождемъ Рождеснвенскаго мясоѣда, будешъ уже шесннадцати лѣшъ. А чшо же эшо за дѣвка была? — Бѣляночка, живая, проворная, ко всему скорая, на рѣчахъ бойкая, прошивъ всякаго учшивая, привѣшчивая. Гдѣ она, шамъ опъ нее смѣхъ и хохопъ, игры и забавы. Какъ у мащери не было никакого хозяйснва, а жила все съ копѣйки, шо

Оксанѣ нечего было работашь. Управилась ли съ хлѣбами, посадила ихъ въ печь, скорѣе къ подругамъ: шѣ ждуть ея, ожидають какъ ласпочки весною, пошому что Оксана какъ защебечетъ, какъ за *бальянтраситъ*, шакъ весело вѣтмъ, всякъ гошовъ хонъ цѣлый день слушашь ея; а разсмѣишъ — ея подавай! Если бы мерпвый могъ слышашь какъ она *точитъ баясы*, шо и шонъ расхохотался бы; а о живыхъ и говоришъ нечего, что, гдѣ она въ бесѣдѣ и разщебечешся, шамъ ложашся опѣ смѣха. На улицѣ, на вечерницахъ, въ колядкѣ, наша Оксана вѣтмъ передъ ведешъ; безъ нея не знали бы что и дѣлать.

Машъ начнешъ было удерживашъ ея: «сиди, дошо, дома; чего шѣ бѣгаешъ? Зачѣмъ не работашешъ? Возьми, да либо пряди, либо шей; до сей поры ничего не умѣешъ.»

И она кинешся къ машери на шею, начнешъ обнимать, цѣловать ея, приговаривать: — «машусенько родненькая, рыбочка, голубочка, перепелочка! — не удерживай меня. Какъ я еще молода, шо пущъ погуляю, словно какъ пшичка на свободѣ подѣ небесами лепашъ. Буду воспоминашъ свое дѣвованье, что я у себя какъ рыбка въ рѣчкѣ гуляла, свободна, весела; куда хонѣла, шуда плавала, да благодарила себя, что шѣ, моя машиночка, была ко мнѣ жалосливва, добрая, баловала меня. Вотъ уже какъ выйду замужъ, възѣну очіпокъ, тогда уже не куда гуляшъ; тогда оспепенюся, примуся работашъ, рукъ не положу, мужа и дѣшочекъ буду обшивашъ, и себя, машочка, что шѣ у меня была шакая добрая, жалѣла меня, всюду пускала гуляшъ.»

— Когда шо еще будешъ? — спанешъ машъ говоришъ: — привыкла бѣгать, да гуляшъ, шакъ кшо присадишъ себя за работу? И умѣешъ ли шѣ еще сработашъ что? Нишки не выведешъ...

«И уже шѣ, мамо, мнѣ эшого не говори. Я и смотрѣвши, какъ шѣ работашешъ, всему научилась. Дай-ка гребень сюда.» — И шупъ же выхватила у машери гребень и начала прясшъ... верешено шумишъ у нее, а

она выводилъ нишку... шонкую, долгую, ровную, а сама *весняночки* припѣваетъ. Спаруха смолпиритъ, да удивляется.

»А что, мамочка, скажешь теперъ, что прясни не умѣю?...« И кинетъ гребень, примется за *рушникъ*, что мать вышиваетъ ей на приданое; и начнетъ пакіе же цвѣтки вышивать, какъ и мать, а сама почнетъ пѣть свадебныя пѣсни, приспѣвывая къ себѣ, будто она идетъ замужъ. Тупъ мать только всплеснетъ руками.... и рада бы то, что такое добро распетъ и весело, опрадно ей бытъ съ нею, держать при себѣ, но жалеть, чтобъ она не скучала, не запосковалась бы.... боится и оппускаетъ ее, чтобы иногда.. дѣвочка молоденькая... чтобъ не погубила славы.... Подумавши и сѣ и по, потомъ, едва сквозь зубы, начнетъ говорить: — види же себѣ....« а па уже вскочила, уже на шею у матери, уже выцѣловала ее, уже и выбѣжала... и дверей не зашворила... уже только слышно, что идетъ по улицѣ и пѣсенки распѣваетъ.

Пускай же мать, хотя немного, поморщится, что или нездорова или о чемъ взгруснетъ; шупъ уже Оксаны не выгонишь ни чѣмъ изъ хаты: все забыла, все покинула; хотя бы самая первая пріятелька просила бы ее въ дружки, не поидетъ ни за что уже опъ матери ни на шагъ: все глядитъ ей въ глаза, все спрашиваетъ: »что у васъ, мамочка, болитъ? — Не хотите ли чего? — Не разсердила ли я васъ чѣмъ, да вы не говорите, а только спонете и жалете меня?« И уже какъ приспанетъ, то и опведетъ опъ матери всякую шугу, печаль, и хотя бы шочно мать была чѣмъ нездорова, то Оксана ее разговоритъ, развеселитъ до того, что больная забудетъ свою бѣду.

А какъ бы весела ни была, но лишь увидитъ спарца, колѣку или поперпѣваго опъ пожара, шупъ она оставитъ все, потчасъ къ нему, распышываетъ, расспрашиваетъ, возьметъ за руку, поведетъ къ себѣ, накормитъ, надѣлитъ чѣмъ Богъ послалъ, дастъ на до-

рогу и проводишь за село: шолько и видно ее, какъ она около *бѣдности* увивается, да все слѣзочки уштираешь. Надѣлила, проводила, слѣзки ушерла.... бѣжишь... уже опяшь въ бесѣдѣ, и опяшь *верховоришь* по прежнему: весела, жива, говорлива какъ и была.

Только же наспаешь весна и шеплое солнушко слижешь съ бугорковъ снѣгъ, Оксана и собрала свою команду; бросилась изъ конца въ конецъ села, ведешь цѣлую свору дѣвокъ, и приговариваешь: «за чѣмъ вы будешь сидѣшь въ хапахъ? Богъ даешь весну, солнушко пригрѣваешь, и самый въперокъ шепленькій. Полно вамъ по за-печью шерешся. Неужели не наскучило вамъ сидѣшь на одномъ мѣсѣ черезъ долгую зиму? Будешь спарыя, тогда належишесь на печкахъ, нассоришесь съ мужьями, набранишесь съ дѣшворою. А чѣмъ спанешь вспоминашь свои молодья лѣта? А чпобъ вамъ весело было! (это у нея самая сильная брань была). Ну-те-ка, давайше, побѣжимъ!... беришесь парамн, съ *хрещика*, *вѣрона*, поведемъ *криваго танца*, *коровода*, *кострубонька*, съ *жены*. И пошло у нихъ веселье! — и чпо же вамъ сказашъ? Всѣ дѣвки красивы, убраны, разряжены... да ба! ее замѣшно опъ всѣхъ. Такая же байковая юнка (корсешъ) съ рукавами, шакая и *плáхта* и *запáсочка*, и косы шакъ же прибраны, и, кажешся, шакъ же рушникомъ подпоясана, все-все шакъ и у нее, какъ у прочихъ дѣвокъ.... эге! да чпо-шо не шакъ. Все на ней шакъ лѣвкенько, опряшненько, ощипано, всѣмъ дѣвкамъ краса: шолько на одну ее и смопришь.

И вопѣ, лишь слышали дѣвичьи пѣсни на улицѣ. И по лѣзли изъ хашъ спарые дѣды и бабы, а молодья женщины даже выбѣгають; да чпо? дѣшвора вся высинлешъ изъ хашъ, и всѣ говорятъ: «пойдемъ-ка на *едворья* (посидѣшь за ворошами), уже Оксана разгулялася.» И посядутъ всѣ на улицѣ на присбахъ хашъ, на колодкахъ и гдѣ можно подъ плешнями. А парубочство (молодые парни)? Тѣ, вырядившись по своему, шапки на бекрень, *люльки* закурашъ, купами ходяшъ кругомъ дѣ-

вокъ, и глядя на Оксану, только облизываются. Они, и весь народъ, что собрался на улицъ смотрѣть, ее одну видятъ, на нее одну смотряеть, про одну ее говорятъ.... Вотъ дѣвки и спаровались играть въ хрещика, вотъ и гробы (пара, копорая должна ловить другихъ) спали... и пусшились.... только посвисши: фишь-фишь!.... Не родился потъ чловѣкъ, кпобъ поймалъ Оксану! Кпо бы ни спалъ гробами, хотъ бы изъ парней шибко бѣгающій, и не говори чшобы поймать ее! — Кпо ее знаешь? Всѣ бѣгаютъ, по подъ ними даже земля *стугонитъ* (гудеть); сами задыхаются, засѣпаются, спотыкаются.... Побѣжишь же Оксана, шакъ на удивленіе! Бѣжишь, почно муха лепишь, до земли не допрогивается, только и замѣшно дровишь ножками, а рученьками не размахиваешь, а будно и просянень чшобъ поддашься, но только лишь бѣгущаго допустишь къ себѣ близко; вдругъ... скокъ, скокъ, скокъ.... только и видѣлъ ее! Сама же не согнешся, не сгорбишь, почно какъ спруночка!....

Набѣгались въ *хрещикъ*, заморила всѣхъ; давай хороводы водить. Повела *криваго танца*.... шакъ чшожъ? другихъ дѣвокъ и не видно за нею. Какъ зоренька вечерняя, между всѣми звѣздочками, какъ упочка плывя по водѣ, шакъ она выклоняется, головкою поводишь и веселенько поглядываетъ на всѣхъ.... а какъ начнешь пѣть пѣсенки, знаете, что при хороводахъ поюшь, шакъ почно флейпочка, или серебряный колокольчикъ.... Всѣ прочія поюшь во все горло, во весь рошъ, а она и губонекъ не растворяетъ, да ея голосочекъ слышенъ изъ за всѣхъ.... да шакъ за сердце и берешь.... все бы слушалъ ее одну....

Каково-же было Вѣклъ, матери ея, глядя на свою дѣбенку, что, хотъ и дитя ея, а каждой матери свое дитя лучше всѣхъ, а шупъ сама видишь, слышишь, что ея Оксана краса всему селу, и что всѣ люди собрались за шѣмъ, чшобъ глядѣть на одну Оксану, и что всѣ, въ одинъ голосъ, не умолкая, хвалять ея милую Оксану. Когда, вечеромъ, придетъ Оксана уже

домой, шупъ машъ цѣлуешъ-цѣлуешъ свою дѣню и приговаривашъ : »шъ моя дѣненько.... моя ласповочка !.... шъ моя краса.... шъ моя слава, черезъ шебя я и весела, и здорова, и опъ людей въ почешъ!.... Ты веселишь мою спаросшъ, шъ держишь меня на свѣшъ!....« и всякими такими приговорками, долго-долго ласкаешъ дочь свою.

А Оксана будто и молчишъ? Ну, ну! и она, опвѣчая ласкими на ласки машери, также приговаривашъ : »мамочка, голубочка, моя родненькая! я же вся въ шебя.. у меня швоя натура.... Лишь бы шъ была здорова, весела, да не переставала любишъ меня, шакъ я земли подъ собою не чувствую; мнѣ шакъ легко, полешъла бы я словно пшичка. Опъ того, что шъ шакъ любишъ и жалуешъ меня, я шакая веселенькая, и ни о чемъ не думаю, только чтобъ угодилъ шебъ и развеселишъ шебя. Ты же у меня одна, машусенька : нѣшъ у меня ни башеньки, ни сешприцы; шъ мнѣ и солнушко, и мѣсяцъ, и здорovie, и счастье!... Знаю, что и я у шебя одна, какъ ша порошинка въ глазъ, шо и я держу! себя шакъ, чтобъ шъ веселилася черезъ меня до конца вѣку своего, чтобъ радовалась, глядя на меня и слыша добрую славу обо мнѣ. — Мамочка моя родненькая! не отдавай меня замужъ! Мужа надобно любишъ, а я не хочу, не умѣю, не умѣю никого любишъ, какъ шолько одну шебя, машусенку мою, зореньку мою!....«

Вѣкла слушаешъ ее и не наслушаешся. — Смотришъ ей въ шѣ глазочки, что блеспашъ какъ синее небо; смотришъ, люблюешся.... поцѣлуешъ ихъ, перекрестишъ дшя свое, вздохнешъ, возведешъ глаза къ Богу милосердному, подумаешъ: кому шакое добро достанешся? всплакнешъ — и спанешъ молишся Богу.

Такая дѣвка, какъ наша Оксана, не ужели не занимала парубковъ? — Не знаю! — Былъ ли хоть одинъ изъ нихъ, чтобы не дорожилъ ею? Каждый бы заслалъ свашовъ къ ней, шакъ боялись »арбуза« (пыкву полу-чишъ, въ знакъ отказа). Не одинъ рѣшался запроганъ

ее, пакъ, знаете, жениховскимъ дѣломъ.... пакъ куда? ни приспуну! Въ бесѣдѣ говоришь со всѣми, хохочешь, подсмѣиваешь, и что хочешь говори ей, она будетъ слушать. Попробуй же запрогашь ее, или пихнуть, или ногу подставивъ когда идетъ она, чтобы споткнулась (первый приспунъ познакомишься съ дѣвушкою), какъ водится у парубковъ съ дѣвкою, направляющею ему.... Не знаю! она пакъ опбрѣшетъ, пакъ приспидишь всякаго, что не будетъ знать самъ, на какую ногу ступить.

Компорые посмѣле, пакъ пѣ пакъ, напрямки спануть говоришь: »Оксана! я тебя полюбилъ щиро (искренно), крѣпко полюбилъ. Вопъ у меня такое и такое имущество, есть то и то. Знаешь нужды не будешь.... скажи: присылаешь сваховъ?« — Она пунъ же и опвѣчаешь: »Благодарю тебя, добрый человекъ, что ты меня замѣшилъ между многими, и думаешь, что я могу сдѣлать свое счастье. Мнѣ весело, когда обо мнѣ такіе люди, какъ ты, думаютъ пакъ. А сваховъ не безпокой. Не шо, что именно за тебя, я и ни за кого не хочу.«

Такъ было и мащери скажешь, когда къ ней придутъ сами опцы или мащери, чтобы сватать Оксану за сына. Вѣкла людей разговорить съ ласкою, попошчуютъ, да съ пѣмъ и оппусшить, а сама приспанетъ къ дочери:

»Сдѣлай милость, скажи ты мнѣ, Оксана, гдѣ твой разумъ, гдѣ голова? Опъ чего ты неидешь вопъ за этого жениха? Ты опказала наопрѣзъ тому и тому (пунъ и напомнимъ ей всѣхъ, кто сваталъ ее), а вопъ и пунъ по-же. Когда бы сказать, люди какіе нибудь, а шо люди на все село. Что ты думаешь съ собою, милое дитя мое?«

— А шо думаю я съ собою, мамочка, что не хочу замужъ за мужика. —

»Что ты это вздумала, доню! — даже вскрикнула Вѣкла, всплеснувъ руками: »не одурѣла ли ты? За кого же думаешь ты выдти?«

— Охъ, мамочка родненькая! Часпо я и сама про себя думаю, что чупъ ли не обожеволела (помѣшалась) я! — А уже какъ хочешь: брани меня, хопъ бей, и какъ вздумаю выдши за мужика, шакъ мнѣ и свѣщъ не милъ! Видишь ли что? какъ и поднялась я на ноги, росла, выросла, шо и опъ тебя, и опъ людей слышу, и сама вижу, что я хороша и красива шакъ, что и въ селѣ нашемъ нѣтъ шакой. Да какъ еще и напура у меня шакая веселая, что меня всѣ любящъ, шакъ у меня и заройлося въ голову: не мужику владѣть мною; не хочу за него, и не хочу! Вышедши за мужика, бросишь надобно думки какъ убраться, какъ нарядишься, а спупай на огородъ, въ поле, дома возня съ хозяйствомъ, полкись съ дѣшворою, и шолько и знай, что стряпай, мужу угождай, слушай его и уважай; когда же и побьешь, шакъ шы шерпи. Нѣтъ, не хочу за мужика!»

— Кого же тебѣ надобно? За кого шы думаешь выдши? —

«А вошъ, мамочка, что. Когда бы мы жили въ городъ, шо я, съ своею красою, скоро нашла бы себѣ какого паныча. Какъ же мы живемъ здѣсь, въ селѣ, шо шолько и надѣяшься можно выдши за какого купца или поповича. — Охъ, мапусенька моя! если бы мнѣ шакое счастье! — А какъ люблю я жишъ въ роскоши! Не нужно ни о чемъ хлопошашъ, о работѣ и не вспоминай; шолько ѣшь и пей все хорошее, и наряжайся, сколько душъ угодно. Вспомнивъ же, какъ я шогда буду тебя въ спаросши лелеяшъ, шакъ опъ радости себя не помню! Буду тебѣ угождашъ, нѣжишъ тебя, чего шолько пожелаешь, все буду досшавляшъ тебѣ. Сама ни съѣмъ, ни сошью, шолько о тебѣ буду заботишся. Мужикъ же не досшавишъ мнѣ шакого счастья.»

Долго и быспро смошрѣла на нее спаруха Вѣкла, попомъ какъ заплачешъ, какъ вскрикнешъ: — Господь милоспивый! въ самомъ дѣлѣ, Оксана, шы не о своемъ умѣ! Опкуда шакія думки наши на тебя?... Я, я виновапа, что наполоковала тебѣ о швоей красѣ. Маше-

ри свое дѣшя всегда кажется лучшимъ опѣ всѣхъ. Положимъ чпо и шакъ: да развѣ же наши красивыя дѣвки выходящъ за панычей? Ни мало! Будетъ хороша, какъ шопѣ цвѣшочекъ, а шаки выходишъ за *хлѣбороба*; съ нимъ работаешъ въ полѣ и дома хлопочешъ; краса ея не пропала, дѣшочекъ народила и благодарилъ Бога! дочери ея шакъ же красивы, какъ была она. Вопѣ и я же: и я была дѣвка на все село. Не шолько славилась въ своемъ селѣ, но и проѣзжающіе даже паны, какъ увидяшъ меня, чпо даже изъ коляски выглядывающъ, смошряшъ и все хваляшъ; иной даже шапку снимешъ, да скажешъ: здравствуй, красавица! Такъ я же не подумала ничего и не загордилась, и какъ случился человекъ достойный изъ нашихъ, вышла за швоего опца, за Охрима; хопя онъ былъ уже вдовъ, но какъ честная душа была, шо я, по своей охопѣ вышла за него, и хваля Бога, жила съ нимъ благополучно. — Эй, доню! кинь шакиа гордыя думки. Эпо тебѣ смущеніе опѣ нечистаго.... Господи, оборони насъ опѣ него! — Гляди шолько, чшобѣ тебѣ эшѣ думки не завели въ погибель — опѣ чего да сохранишъ тебѣ Машеръ Божіа!» Тушѣ обняла дочь и начала ее крестилъ и цѣловашъ.

Оксана говоришъ: — Какъ хочешъ, мамочка, а эши мысли не опходяшъ опѣ меня! Буду слушашъ, чшѣ шы спанешъ говоришъ мнѣ, и сама разбирашъ буду. —

Часто шакъ шолкуя все объ одномъ, машъ, шо просъбою, шо слезами, довела-шаки дочь до того, чпо она сказала: »чшо-жѣ, мамочка! выйду уже и за мужика.... лишь былъ бы честный и уважишельный прошивъ тебѣ....«

Какъ вопѣ и случился скоро парень *важный*. Одинъ себѣ, ни опца, ни машери, не кому будетъ управлѣшъ. Самъ себѣ хозяйинъ; и добра всякаго, скопины ли, поля и прочаго, всего не мало. Парень молодой, *друзьяка*, работающій, смирный, не пьющій, и уже ни съ кѣмъ не зассорилъ, не завздорилъ; собою чернявый и красивый.

Старуха Вѣкла обѣими руками схватилась за него. Пешромъ звали; да и сама Оксана, нечего было сказать, саякъ-паякъ, принуждена была сказать: — »Пойду.... только пусть осенью.« — Нужды нѣтъ, мы и подождемъ! — обрадовавшись сказала Вѣкла.

Далеко до осени! — и рассказывать не хочется.

Въ это село, гдѣ жила Вѣкла, пришли солдаты на постной. Что тогда спалось съ дѣвками!.... Не помнятъ сами себя отъ радости!.... Вспомъ-ка, братья, и мы свои молодяги лѣша. Какъ весело встрѣчали и радушно принимали насъ дѣвушки въ новомъ мѣсѣ, гдѣ мы появлялись. На своихъ же, мѣстныхъ, и смотрѣть не хотѣли. Извѣстна дѣвичья напура: сегодня любить красное, завтра зеленое, а красное бросаетъ, и не думаетъ о немъ.... А ужъ наиболее какъ увидятъ военныхъ.... У-у-у? пусть онѣ сами не свои. Лишь-бы какъ завидѣть мундиръ, а еще лучше »усы«, пусть все забыто! Ничего не слышатъ, не видятъ, ни о чемъ не думаетъ, кромѣ »усовъ«. Такая напура у всѣхъ дѣвушекъ. Премиленькія! —

Такъ было и теперь, На своихъ парубковъ никто изъ дѣвокъ и не глядитъ: все у нихъ солдаты и солдаты на умѣ. Подавай ихъ и на улицу гулять, и на вечерницы, и вездѣ. Какъ же! Царскіе служивые не по думаютъ: ему надобно аммуницію исправить, мундиръ приготовить, отдохнуть, такъ гулять съ дѣвками имъ некогда. Мало ли они свѣша прошли, и вездѣ имъ дѣвки вѣшались на шею, такъ и спали для нихъ ни почомъ.... Дѣвки же, видя, что постояльцы не запрогиваютъ ихъ, принялись за свои хитрости: уберутся, разрядятся такъ что ну! и въ самую тихую пору, какъ солдаты соберутся на ученіе, вотъ Мелашка схватитъ вѣдра и идетъ за водою. Какъ-разъ пропивъ солдатъ повстрѣчалась съ Напалкою, идущею за чѣмъ-то къ дядеку. Вотъ какъ встрѣлись, да и давай балагурить по о скиндячкахъ (головныхъ ленпахъ), по о черевичкахъ, да и не знаютъ о чемъ, какъ пусть — глядь! оп-

шуда Домаха, опсюда Ивга, а памъ Феська, да Оедбра, да ша, да эпа — и насобирается ихъ не мало. Балагуряптъ между собою, а чаще всѣ говоряптъ, и никшо никого не слушаешъ, да и посадушъ на колодкахъ, сложенныхъ на площади, и продолжаюптъ болшашъ.... а на солдашовъ будшо и не глядяптъ; какъ напрошивъ, жилки дрожаптъ, думая: когда-бъ вопъ шопъ высокій, да чернявый, запрогалъ бы меня. Такъ и каждая сидптъ хошъ до позднаго вечера. А мащери ихъ однѣ: ждуптъ дочекъ — нѣптъ ихъ. Нечего дѣлать: сама спаруха воды принесешъ, печь расшопишъ, ужинъ свариптъ, все думая: »ничего! пущъ дѣвка погуляешъ!«

»Гдѣ шы это, доню, шакъ долго была? Въдѣ уже не рано. Опъ чего шакъ запоздала?« спрашивала мащъ Оксану, ворошившуюся домой вовсе въ сумерки.

— Гдѣ была? — опвѣчала она, раздѣваясь и снимая свои уборы, и упряшывая по своимъ мѣспамъ. — Гдѣ была? Смопрѣла съ дѣвками на москалей. Какъ они славно *выкидываютъ муштру*, шочно какъ одинъ человекъ. Это все учишъ ихъ спаршій. Говоряптъ, чшо и изъ всей команды нѣптъ спарше его. Да какой онъ, мамочка, разумный! Да какъ его всѣ слушаюптъ! Чшо скажешъ, шакъ всѣ и поспѣшаюптъ дѣлать. Когда крикнешъ на нихъ, чшобъ подняли ружья, шо они, какъ-разъ и поднимуптъ, даже забренчаптъ всѣ.... Такъ весело, чшо не можно! А куда скажешъ имъ идши, направо или налѣво, шолько крикнешъ, шакъ никшо и не поспоришъ, спѣною шакъ и идуптъ. То-шю, я думаю, онъ разумный! А чшо уже красивъ, шакъ и мѣры нѣптъ.... Ты, мама.. солила.... дрова?»

— Чшо шы, чшо шы, чшо шы? Богъ съ шобою! — крикнула Вѣкла на дочъ, увидѣвши, чшо-па набрала въ горшъ пшена и начала посынаптъ по припечью, словно какъ будшо солишъ чшо. — Или шы одурѣла, или обожеволила? — Чшо шы это дѣлаешъ? — И опнявши у нея, сама занялась спряпнею.

»Видишь!.. шьфу!.... опомнясь сказала Оксана, и схвативъ вѣзникъ, начала месить хашу.... Тупъ опять крикнула машь на нее, попрекая что дѣлаешь вовсе не то, что надо. — »О своемъ ли ты умъ? — Выметай хашу, когда я готовлю все къ варенью. Напылишь и все испортишь. Вотъ это уже насмотрѣлась на солдашъ, и они у тебя въ головѣ.«

— Нѣтъ, мамочка, цуръ имъ! Будто уже все на нихъ и глядѣшь, какъ учашъ ихъ вотъ пошъ.... А какъ громко кричишь! Его далеко слышно. Ужъ шакъ это голосъ! Какъ станешь передъ ними, то словно орелъ!.... Самъ же высокенькій, пряменькій какъ спрѣлочка, усы ешь небольшіе, красивенькіе.... собою чернявый.... —

»Кто тамъ такой чернявый? — заправляя борщъ, спрашивала машь у Оксаны, сидѣвшей на подмосткахъ, сложивши ручки, и все рассказывавшей только о своемъ.

— То я, мамочка, шакъ себѣ.... то я.. про спаршаго.... И задумается.... А пошомъ опять примется говоришь; да начнешъ съ Напалки, а сведешъ на спаршаго; рассказываешь про Мелашку, а сведешъ.... все-таки на спаршаго. Машь же, зная, что ея блоручка, какъ не захочешъ, то не примется ни за что, оспавила ее, сама варишь и хлопчешъ, не слушая, что рассказываешь дочь.

И за ужиномъ Оксана намекала про *старшаго*, но какъ машь не спрашивала и вовсе не слушала рассказовъ ея, то она и замолчала.... и ужъ, навѣрно, всю ночь нашей Оксанѣ снились солдашы.... а не шакъ солдашы, какъ ихъ спаршій....

Ушромъ, сработала ли что, или нѣтъ, а уже, по привычкѣ, побѣжала къ подругамъ, подговорила ихъ опять собраться и смотрѣшь на ученье, условилась и весела. Не совѣмъ пообѣдала съ маперью, а уже и побѣжала, уже на колодкахъ, уже смопришь.... Собравшіеся Офицеры и Капитанъ, въ ожиданіи пока солдашы соби-
рались, начали съ дѣвками разговаривашъ, шутишь, смѣ-

япсья. Капитанъ же, замѣпивъ Оксану, началъ хвалишь ее, какая она красавица. »Сколько — говоритъ — ни походилъ по свѣшу, сколько чего ни видалъ, а такой красавицы не видалъ и между барышнями. Это — говоритъ — чудо!« Все это слышала Оксана, и какъ на огнь горѣла. Попомъ подошелъ къ ней.... она желала бы сквозь землю провалишься, исчезла бы, забѣжала бы на край свѣша....

Вопъ онъ и началъ спрашивать ее.... такъ что же? Спрашивася: »гдѣ ты живешь? — а она отвѣчаешъ: »Ок....са....на.« — Еси ли у тебя мать? — а она говоритъ: »послѣ.... обѣда.« — И сама не помнишь себя, не шокмо чтобы знашь какъ отвѣчать. Попомъ онъ потрепалъ ее по щекѣ и сказалъ: — »Не стыдися, душенька; мы познакомимся съ шобою.« Тутъ она-чуть чуть не сказала:.... Я уже васъ полюбила!.. Къ счастью ея, языкъ не поворошился.... засыдилась и свѣша не взвѣла.... — Прочія же дѣвки, подруги ея, уже хохочушь, даже познакомились съ другими Офицерами, не какъ Оксана, что не подберешъ словъ, какъ отвѣчать ему. Пока солдашъ учился, Капитанъ частенько поглядывалъ на Оксану, а она глазъ не сводила съ него, вездѣ преслѣдовала его взоромъ, и сердечко въ ней такъ и бьется, какъ рыбка, поймавшаяся на удочку; въ душѣ ей такъ весело, превесело, что и разсказать не можно!....

Послѣ всѣхъ дѣвокъ, Оксана пошла домой. Солдашъ разошлся, и когда Капитанъ, идучи на кварширу, поровнялся съ нею и сказалъ: »прощай, красавица!« такъ она, не помня себя отъ радости, прибѣжала къ мащери, рада, веселенькая, смѣется, щебечешъ, бѣгаешъ, сядешъ, опяшь вскочитъ, кицешъ мащери на шею, разсказываешъ гдѣ была, что видѣла, съ какою дѣвкою говорила, какъ солдашъ муштру дѣлалъ, а про шаршаго ни полслова! — Около него что было, все разсказываешъ, и только-бъ назвашь его, она и замолчитъ, задумаешся, вспыхнешъ вся какъ жаръ.... Тутъ покраснѣешся, засыдишся, рученьками закроешся, перемол-

чиптъ ... и ояптъ за свое; бросишя прибирашъ, пого и гяди: шо разольешъ, другое опрокинешъ, иное разобьешъ.... Машъ спанешъ ворчапъ на нея, а она шумиптъ, хохочешъ.... и развеселишъ спаруху,

На другой день, Оксана прежде всѣхъ побѣжала гядѣшъ на муштру солдатскую. Чшо же.... ея Капишанъ уже съ другою дѣвкою споиптъ: шумиптъ, запрогиваешъ ее.... а дѣвка эша — видишъ какая? — При людяхъ, среди улицы и, куда, еще до вечера, она смѣешя, хохочешъ оптъ радости, чшо подружилась съ Капишаномъ.... Такъ думала Оксана, гядя на нее; да — или ей досадно было на Капишана, чшо онъ, гдѣ завидѣлъ дѣвку, и началъ ее запрогивашъ — и спыда ему нѣтъ! Такъ думаетъ она; или спыдно за дѣвку, чшо не уходитъ оптъ него, а сама споиптъ съ нимъ и разговариваетъ; — полько она оптъ эшого поблѣднѣла, запряслась и скорѣе ворошила домой.... Но если правду сказать, Оксана и сама не понимала себя. Она полагала, чшо справедливо думаетъ, а на повѣрку, ей было досадно, чшо Капишанъ запрогалъ другую и говоритъ съ шою, а не съ нею.... Знаете, въ ней сердечко молоденькое, сама себя не пойметъ: полюбила Капишана, защемила сердечко, да какъ въ первый разъ, пакъ она и не понимаетъ, чшо дѣлаешя съ нею....

Вошъ въ шакомъ-шо горѣ ворошила она домой, и едва-едва дошла.... И все у нее на мысли эша дѣвка, чшо не постыдилась разговаривашъ при всѣхъ съ Капишаномъ.... Да и Капишанъ.... видишъ какой! Пусть бы возился съ своими солдатами; какое ему дѣло къ нашимъ дѣвкамъ? Развѣ мы ему ровня?.... Играй онъ съ своими барышнями! . . . Да ово и не было бы ничего, если бы она ушла, а шо спойтъ и хохочешъ.... У! безспыдница!.... Повидѣла-бъ ее мать, чтобы погда было ей? . . . Вошъ пакъ-шо она все сердилась и вишила шо дѣвку, шо Капишана, и въ хашу свою вошла, какъ будто не она. Смушна, невесела, глаза попушила, сидишъ, съ мѣсна не двинешя, и молчишъ какъ спына.

Чего ни спросишь мать: »не знаю не видѣла не слышала не присматривалась.« Вошъ и весь разговоръ. Мать занялась ею: »можетъ хочешь сего-того?« развлекаетъ ее, а Оксана и не слушаетъ. Не захошла ужинать и, лежа, все вздыхала тяжело у ней были все однѣ думки какъ подумаешь, что дѣвка не поберегла себя, а Капишанъ будетъ смѣяться надъ нею, такъ у нея даже запечетъ въ сердцѣ, и она — сердешная! — не разъ принималась плакать все о чужой бѣдѣ, какъ думала она

Спала ли не спала, а ушромъ схватила вѣдра и пошла за водой — чушь ли не въ первый разъ ошъ роду! — И правда; гдѣ колодезь, а она пошнупала вдоль улицы, къ базару . . . думая себѣ: тамъ близко Капишанова кваршира, и уже вѣрно вчерашняя дѣвка *сиуетъ* около, чшобъ повидаться съ нимъ Да ужъ не я буду — даже вскрикнула Оксана: — когда полько увижу ее съ нимъ, шо вошъ, право, мащери ея скажу. Пусть удержитъ ее, пускай она не дѣлаетъ славы на встѣхъ насъ

Какъ вошъ Капишанъ изъ-за угла узнать Оксану, и къ ней: »Здравствуй, Оксана!«

А у Оксаны руки и ноги запряслись, спала какъ вкопаная, словно приросла къ землѣ, ни съ мѣста, ни пары изъ устѣ

Капишанъ и началъ говорить: »За чѣмъ ты не вышла вчера смощрѣшь на солдатское ученѣе?«

Оксана молчитъ.

»Мнѣ безъ тебя скучно было!« говоритъ онъ.

Оксана готова была бы сказать ему, что ему и безъ нея было весело съ другою дѣвкою, такъ забыла все о чѣмъ думала всю ночь и ушромъ. Какъ же позабыла, такъ и молчитъ, глазенки пошнупила въ землю, какъ будшо считаешь сшебельки на шравѣ, что подъ ногами.

»Скучно было безъ тебя! — продолжаетъ онъ. — Я красивѣе тебя не видалъ нигдѣ . . . и полюбилъ тебя . . .

крѣпко полюбилъ! — и взявши ее за руку, сказалъ пихонько: «полюбо полюбилъ меня, я сдѣлаю тебя счастливою.»

Оксана какъ въ раю! Она, не хотѣвшая выйти ни за какого мужика, и думала все о панствѣ, объ роскоши, слышавшій теперь, что ее любитъ панъ молодой, красивый, богатый — она видѣла на его мундирѣ золото; — и конечно онъ *настоящій панъ*, потому что солдаты его слушаютъ и боясь; и этотъ панъ говоритъ ей, что онъ любитъ ее и сдѣлаетъ счастливою. Конечно, онъ хочетъ взять ее за себя?... вошь, вошь она спанеть пансю.... чтожь оспалось ей на его слова говоритъ? Вошь она, онъ чистаго сердца, и сказала: — «какъ же васъ еще полюбить?»....

— Полюби меня онъ всего сердца... думай обо мнѣ... выходи ко мнѣ.... полюби, какъ я люблю тебя?... —

«Я же пакъ и — люблю, а можетъ и больше!»....

Оксана! Оксана! если бы ты больше знала пановъ, ты бы никогда пакъ не сказала: ты бы съ перваго слова отбѣжала отъ него, какъ отъ *лихой години*! Ты не знала пановъ, и еще лучше паньчей. Имъ не диво одурить селянку, не выдавшую ихъ съ роду, не слыжавшую какъ они *брежутъ*, кланутся, и попомъ губящъ повѣрившихъ имъ!...

Ничего этого не знала наша Оксана! Она еще съ малыхъ лѣтъ наслушалась, что красива пакъ, какъ никто. Она все желала выдти за пана, и вошь... панъ полюбилъ ее.... она не могла себя вообразить, чтобы панъ могъ неправду говорить.... потому-то смѣло призналась Капшану, что любитъ его... Только это выговорила на бѣду себя, какъ Капшанъ, самъ не свой, бросился къ ней, обнялъ, поцѣловалъ.... ему же не въ диковину дѣвушка цѣловать, словно орѣхи щелкать, а какъ-то было нашей бѣдной Оксанѣ?... Земля подъ нею пылаетъ, небо загорѣлось, солнушко красно спало какъ макъ... сама она, словно пшичка, готова вспорхнувши и летѣть... не помня ничего, не разсуждая ни о чемъ, чтобы не разлучаться съ своимъ милымъ, чтобы онъ не оспался

одинъ безъ нея, обвилась около него рученьками... и чпобъ еще насладиться тѣмъ же счастьемъ, какое она теперь испытала, сама поцѣловала его.... да шупъ и обезпачила, и не опорвешся отъ него....

Пусть всякъ изъ насъ вспомнитъ, каково было намъ тогда, какъ въ первый разъ поцѣловали шу дѣвушку, которую любили пламенно, искренно! Можно ли все, что чувствовалъ тогда, высказать, или описать? Не требуйте же отъ меня полного описанія, каково было тогда нашей Оксанѣ; шупъ надобно писать полымемъ на раскаленныхъ угляхъ, и засыпать огненными искрами, тогда бы выразить можно.... А что чувствовалъ Капишанъ?.... Опять вспомнимъ, какъ кто изъ насъ, хопя и въ первый разъ, цѣловалъ дѣвушку, которую любилъ шакъ слегка.... пополамъ съ обманомъ. Пріятно, правда; но не больше, какъ, долго пробывши на сырой погодѣ, хлопокъ грогу....

Не буду рассказывать и того, что попомъ они между собою разговаривали; это вамъ по опыту извѣстно. Какъ она, обнимая и лаская его, называла всякими лѣжными именами: и Капишаникъ мой, и соколикъ, и голубчикъ, и лебедикъ; и какъ онъ — по нашему, какъ бывало за нами — увѣрялъ ее, что онъ много имѣетъ ей рассказать, но теперь некогда, а убѣждалъ ее, что если она шочно любитъ его, шакъ чпобъ вечеромъ пришла къ вербѣ, что прошивъ двора ея. Тупъ онъ общалъ рассказать все нужное для нихъ. Извѣстно и то, что Оксана общала, попому-что, какъ сама знала, не наговорила еще съ нимъ.

Нацѣловавшись, наговорившись, поклявшись еще, что такъ будутъ любить до смерти, пошли по своимъ мѣстамъ: Капишанъ къ солдатамъ, Оксана за водою.... идешь и земли подъ собою не чувствуешь... вспоминаетъ каждое слово, что говорилъ ей Капишанъ, какъ любитъ ее, какъ ласкалъ ее... и въ шакихъ мысляхъ, зашла.... и очутилася при выходѣ изъ села... „Охъ, мнѣ лихо! — даже вскрикнула Оксана осматрѣвшись: — »Куда же

эпо иду я?... Кажется, я вышла за водою.... гдѣ же мои вѣдра?... что эпо спалось со мною?... Гдѣ колодезь, и гдѣ я очутилась?... Съ ума сошла я, что ли?... Охъ, моя *годинионька!*... и вспомнивъ, что она среди дня споялась Капитаномъ, разговаривала, обнималась, закрывалась руками и спала какъ вкопаная. »Еще-то хорошо — думаешь она: — что не прямо на улицѣ, а въ углу, у плешней, что никто не могъ и видѣть.... память-то я и вѣдра оспавила... доспанешься мнѣ, если ихъ кто найдешь! — Видишь, укоряла Кáмрю, что вчера играла съ Капитаномъ, а сама что надѣлала?... Ну, да что! Онъ рассказывалъ, что онъ Капри вовсе не любилъ, что онъ запрогалъ ее шунки-ради, и что и не взглянешъ уже на нее, потому что любилъ меня одну.... и какъ крѣпко любилъ! А какъ онъ божился, что все ночи не спилъ, все думаешь обо мнѣ.... что-то еще вечеромъ скажешь?... Можешь спавенъ условливанъ, когда присылаешь сватовъ? Пожалуй, хотя сегодня.... что-то какъ я спану пáнею!... духъ захватываетъ отъ радости!... И мать принаряжу какъ настоящую панью, и буду ее ласкать и нѣжить... зазову къ себѣ подругъ, покажу имъ какое у меня богатство будетъ; какія юбки (корсеты), исподницы, плахотъ уже не буду носить; рубашечки будутъ все изъ самаго ивановскаго полотна, вездѣ вышиты шелками.... А сколько у меня работницъ будетъ! ко всякому дѣлу особая работница: сама же и за холодную воду не примусь.....«

— Эпо не свои вѣдра, Оксана? я вонъ память подъ плешнями поднималъ ихъ; лежали пустыя и коромысло подлѣ нихъ! — такъ опозвался къ ней парубокъ Пётръ, что сваталъ ее; онъ шелъ прощаясь нея, и видѣлъ, что она крѣпко задумалась.

Оксана стойтъ противъ него словно одеревенѣлая, и не пойметъ, про что онъ говоритъ ей. И какъ понять? Она, только лишь была въ своихъ панскихъ покоехъ, открывала свои сундуки, показывала подругамъ свое богатство, примѣривала ивановскія рубашечки, вы-

пишья шелками, разсылала работницъ за всякимъ дѣломъ.... а шутъ, гдѣ взялся Пётръ, гдѣ взяли вѣдра ... и ей приходится, оставя пансиво, самой идти за водою! ...

Спойшъ, молчишъ.... потомъ опомнилась и опомгалась, сказавши: — Видишь гдѣ онъ? спасибо тебѣ, что нашель.... я это пошла было по-воду, такъ какъ напали на меня Трофимовы собаки, а я и побѣжала отъ нихъ сама не зная куда отъ страха, потомъ уже какъ ихъ не было, я схаменулася, да и ишу вѣдерце. А вотъ они гдѣ! —

»О! есть злыя собаки! — сказалъ Пётръ, можетъ и безъ умысла: можетъ отъ не подышшиль Оксаны съ Капитаномъ; но и Оксана пропускала слова его безъ вниманія. — »Иная такъ укусишъ, что по вѣкъ больно будешь? — Провожу я тебѣ, Оксана! мнѣ все равно идти мимо колодезя.«

— Проводите, спасибо вамъ. — Они и пошли.

»А что, Оксана? — спалъ говоришъ Пётръ, поспѣвая за нею, что какъ ласпочка лепишъ и, отъ радости, почти земли не касаешся. — »Ужели ты хотѣла немного надумалася? Говорила, что выйдешь за меня, то не помни меня; пришлю сваговъ, поберемся уже себѣ.«

Каково же опять было Оксанѣ это слушать? Она только лишь слушала клятвы и божбы отъ Капитана, какъ онъ любитъ ее и умретъ безъ нея, такъ уже навѣрно женился на ней, а шутъ Пётръ съ своимъ сваговспвомъ. Можно ли этому спать? Она еще не одурѣла. Она готова бы разсказать Пётру все, и чтобы онъ оставилъ свои мысли, потому что она вотъ-вотъ выйдешь за Капитана; все бы разсказала ему, такъ Капитанъ не велѣлъ и самой матери не говорить ни слова. »Я — сказалъ онъ — самъ послѣ все разскажу.« И вотъ Оксана молчала — молчала, потомъ и говоришъ: »вы бы оставили объ этомъ и думашъ.«

— Пѣтъ, Оксана, не пакъ я полюбилъ тебѣя, чпобѣ выкинуль изъ головы пакую думку! Подумай, Оксана! подумай.... — хопѣлъ больше еще сказапъ чпо-шо, но замолчалъ и пошелъ своею дорогою.

Только чпо Оксана съ водою въ дверь, мапъ и напала на нее... и гдѣ она была, и за чѣмъ пакъ долго ходила? чпо она уже въ другой разъ распотпила печь, а ее нѣтъ, чпо пѣспю въ квашнѣ перекисло — и все ей, все высчитывала.... Такъ не на шаковскую напала! Пресжде поставила оспорожно вѣдра съ водою, а попомъ, какъ кинешся къ мапери, начала ее приглубливати, приговаривать: »Не сердися же, моя мамочка, рыбочка, перепелочка, кокушечка? Проспи же меня. Какъ пошла я по-воду, а шамъ подруженьки повспрѣчались, и начали мнѣ смѣяться, чпо я и бѣлоручка, какъ вы меня, мамо, зовеше, да пошла же по-воду, да не умѣю вѣдеръ неспи, коромысло не пакъ держу.... совсѣмъ осмѣяли меня; а шупъ Трофимовы собаки какъ напали на меня, а я какъ побѣгу, какъ спугаюсь! Да уже, спасибо, Пѣтрѣ оборонилъ, и вѣдра пособиралъ, чпо я раскидала опъ спрахъ, проводилъ меня къ колодцу.....

Мапъ уже и забыла, чпо сердилася на нее; испугалась, услышавши, чпо нападали на нее собаки; начала осмапривать ее, не покусали ли, не порвали ли.... »Выпей — говоришь: — допѣя, воды немного.... или лягъ на печь.... или не хочешь ли, вопъ молочная каша вчерашняя, съѣшь хопѣя немного, шо и пройденъ все... или пойду я къ Куцайкѣ, пускай придетъ, да вымешъ тебѣ переполохъ... Но какъ же одну тебѣя покинуть?.... Сама же Вѣкла бѣгаешъ, суешишся, и не знаешъ за чпо схватишся; дрожишь, боишся думая, чпобѣ дитѣ опъ перепуга не умерло бы къ вечеру.... А эшо дитѣя, какъ та ласочка (ласпочка, звѣрекъ).... »Данѣтъ, мамочка, нѣтъ родненькая! мнѣ ничего. Я совсѣмъ и не перепугалась; мнѣ никогда не было на душѣ пакъ весело, какъ шенерь. Я у тебѣя, мамочка, счастливая дочь! Ты меня пакъ жалуешь, и нѣжишь съ

самаго-мáла. Благослови меня, чпобъ я была счастлива, чпобъ... чпобъ сбьлося шо, чего ты мнѣ желаетъ, тогда я не покину тебя до вѣка; буду тебя покоишь, пѣжишь.....»

И такъ одна другую лаская, милоуясь между собою, забыли было и объ обѣдѣ. И печь погасла и квашня перешла.... Насилу попомъ кое-какъ справились.

Не бѣжишь наша Оксана никуда изъ дому. Не милы ей подружки, и пѣсенки на умъ нейдушъ, нереспала лепешапъ. Схватила рукавъ опъ рубашки, взяла иглку, пропинула нишку, съла у окошка, и давай, будшо, нишь. Знай выводипъ, да выводипъ нишку, а сѣху пѣшъ; не хвашипся, моя голубочка, чпо не завязала узелка, и не догадаешся снѣбая, попому чпо знай въ окошечко поглядываетъ, высоко ли солнышко? — »Чего оно шакъ медленно кашипся? — думаетъ она. — Если бы я смогла, шо припинула бы его, вонъ къ лѣску..... И чпо за длинный день сегодня!... Конца не видно ему..... Вербочка въшвиспая! еще гуще распусти свои листочки; покрой насъ, когда сойдемся съ милымъ подъ побою размовлять, чпобъ не увидѣлъ насъ никпо..... Ужо, ввечеру спрошу, какъ мой миленькій Капитанчикъ думаетъ, когда меня высвапаетъ?.... Такъ думая сѣ и шо, а все про одно, дождала и вечера.... »Не жди меня, мамочка! Я пойду къ Домахъ, и посижу тамъ долгонько.« И съ симъ словомъ, вышла изъ хашы, два-три раза прыгнула.... уже и близъ вербы.

Капитана еще не было. Оксана высматривала вездѣ... нѣшъ никого, ночь темная, никпо не подсмопшипъ.... Не замедилъ придши и Капитанъ.... »Здѣсь ли ты, Оксана?»

— Здѣсь, близъ твоего серденька! — и припала къ нему.... Сошлись, чпобъ поговоришь, но не говорящъ ни о чемъ, знай цѣлуются.... а попомъ уже не похоже на игру!... Оксана испугалась.... Ничего не осмаетъ ей, надобно вырывашся... Не беретъ ни целковыхъ, ни бумажекъ, плачучи говоритъ: — »Зарѣжь меня прежде, и тогда дѣлай чпо хочешь!«.....

Не выпросилась, а вырвалась наша Оксана, и какъ муха улѣпѣла опѣ него и вбѣжала въ хату.... Господи! блѣдная, трясется, словно лихорадка бѣепѣ ее....

»Чего ты, чего ты?« спрашиваетѣ ее Вѣкла, а Оксана и слова не промолвитѣ..... Попомѣ уже какѣ-то собралась съ духомѣ, и принялась, по упреннему, лгати передѣ матерью, будѣ Домахи не заспала, и идучи назадѣ, увидѣла вѣдму, клубкомѣ капившуюся, »пакѣ я — говоритѣ — такѣ испугалась, что не можно!« Матѣ повѣрила ей. И долго ли, матѣ, да еще добрую, доведѣши до того, что повѣритѣ всему, что ей ни скажи?.. Старухѣ уже опятѣ ни до чего дѣла нѣтъ. Уложила ее на печь, укрывла кожихомѣ, и поитѣ непочатою водою.... Оксанѣ хорошо, что матѣ уложила ее; она не смолитѣ ей въ глаза, попому что стыдѣ, срамѣ, за чѣмѣ украдкою опѣ матери слюбилась съ Капишаномѣ и съ нимѣ тайкомѣ сходилась.... Если бы матѣ приспала тогда къ ней, она бы всю правду, опѣ чистаго сердца, все бы рассказала. Но »матѣ никогда не подозрѣваетѣ свое дѣло въ чѣмѣ-либо худомѣ.«

Горюя, ужинала ли или нѣтъ, и, кажется, ложки не брала въ руки, свалилась Оксана на постель, и спала плакатѣ тихонько..... и думаетѣ себѣ: »Такѣ вошѣ какѣ онѣ любитѣ меня?... Такѣ-то онѣ жалѣетѣ меня, что хотѣлъ наругатѣся мною? — Вѣдѣ я же говорила тебѣ, что я тебѣ очень-очень люблю! — Не нужно мнѣ ни панспва, ни богатства твоего, будь ты хотѣ простой мужикѣ, личманѣ (паспухѣ), все равно, буду любить тебѣ?... Не нужно мнѣ ни золоша, ни перспней, ни намиста; пусѣ не свѣшитѣ на меня солнце, пусѣ попухнепѣ мѣсяцѣ, попрячущися зореньки опѣ меня, цвѣточки завянушѣ передо мною, ппашечки не щебечушѣ, рѣчечка высохнепѣ, самый свѣтъ измѣнишся.... Все для меня ничего, лишь бы я видѣла тебѣ по всякѣ часѣ, смолитѣ въ твои каріе очіи, слушала бы какѣ ты зовѣшь меня »душкою Оксаною«, рассказываѣшь, какѣ дѣже любитѣ меня.... въ этомѣ одномѣ мое панспво, царспво, все счастье! — Я думала,

что и ты такъ любишь свою Оксану? А теперь вижу, что ты ищешь погубить меня, свѣтъ завязать... Богъ же съ побою!... Сказала бы я, что теперь уже, узнавши твои злые умыслы, не буду тебя любить; нѣтъ; сильно, *щиро*, искренно буду любить тебя пока умру. Разъ человекъ *душу принимаетъ*, разъ и любовь; двухъ *душъ* и двухъ *любовей* не дается человеку!... Сказала бы я, что не хочу любить тебя; нѣтъ; скажешь ли человеку, что не хочетъ жить на свѣтъ, не хочетъ себя здоровья, счастья? Такъ и я: ты моя радость, утѣха, счастье, весь свѣтъ.... какъ же откажешься мнѣ отъ тебя?... А что не хочу къ тебѣ выходить, не хочу говорить съ побою... и таки не выйду, не выйду, не выйду, хоть ты мнѣ, Богъ знаетъ, что дѣлай, давай; слова тебѣ не скажу, пока не высвободишь меня и не примешь отъ меня рушниковъ, по закону....» И съ симъ словомъ, вспала, поюжила при земныхъ поклонахъ, и легла опять съ успокоившимися мыслями.

Упрямъ, хлопочетъ съ матерью по хозяйству, какъ вощъ изъ волоси, десятиникъ. Помолвившись Богу, поклонился хозяйкѣ и сказалъ: «Дай Боже вамъ день добрый! *Нехай* вамъ Богъ помощи. Звѣлесея, шѣпунка, до себе поспой приняшь.»

— Якій шамъ поспой? — даже вскрикнула Вѣкла: — черезъ что это? Громада же сказала на просьбу мою, чтобы у шѣхъ хозяекъ, у конхъ *человѣка* нѣтъ, не спавишь никого? Я же еще и поспойное плачу въ помочь бѣднымъ хозяевамъ. Кто же это у васъ шамъ выдумалъ? — Какой шамъ поспой?»

— Я, Умѣсивна, не знаю, только голова послалъ: нускай, говоришь, принимаетъ къ себѣ Капишана. Видишь ли, онъ говоришь, что твоя хата лучше той, гдѣ онъ спойтъ. —

Подумала Вѣкла — подумала — и говоришь: — «Что же мнѣ съ побою говоришь? Ты посланный. Я сама иду къ головѣ и расскажу все.»

— Добре, шѣтушка, идише. Голова въ волосиномъ правленіи. —

Поспѣшила собраться Вѣкла, взяла палицу, чпобы, какъ должно, явивъсь съ поклономъ къ головѣ, и говоришь Оксанѣ: — »Сиди же, доня, и не выходи изъ хашы; запри съни пока я приду. Я скоро ворочуся.« И пошла за десятиникомъ.

Оксана печально покачала головою, шяжко вздохнула, уперла слезку.... и заперла всѣ двери.

Пришедши къ головѣ, Вѣкла поклонилась, и спала разспрашиваешь, съ чего эшо взялось, чшо къ ней поспой, да еще и Качипанъ?

— Эге! — сказалъ голова важно: — мы бы шебя, Уласовна Вѣкла, и не запрогивали, пакъ же сегодня приходилъ самъ Качипанъ, и требовалъ, чпобы ему у шебя дали кварширу. — Мы-таки — правда — и говорили ему, что не можно по шакой и шакой причинѣ; а онъ какъ *grimнетъ* на насъ, какъ *затупотѣтъ* ногами и закричитъ не своимъ голосомъ: — »давай мнѣ сейчасъ! Исправникъ всѣхъ васъ опдалъ мнѣ въ команду. Сей часъ пошли очиснить кварширу. Сію минушу перебираюсь.« А мы, Уласовна, съ писаремъ пакъ перепугались, чшо *не знали на какую ступитъ*, да вопъ то уже послали за тобой.»

— Гай, гай! — спала говоришь Вѣкла: — Вы же у насъ голова, намъ, безпомощнымъ, защита! какъ же эшо можно? У меня однимъ-одна дочечка, какъ порошинка въ глазѣ! У нее однимъ-одна честь, наше богатство, наша жизнь, наше все! — Погубимъ эшо сокровище, куда будемъ годиться? — Можно ли съно складывать вмѣстѣ съ огнемъ? — Хопъ я очень хорошо знаю дочь свою, и не надѣюсь опъ нее ничего недобраго, пакъ люди!.... пакъ языки же!.... шакого набрешушь, шакого наплешушь, чшо хопъ съ свѣша *утекай!* — Лучше мнѣ руку опрубишь, очей лишишь, чѣмъ славу дочери моей опдашь на поруганіе! — Извѣстное дѣло, чшо лю-

ди все будущъ брехать, попому что въ ихъ рассказахъ не будетъ ни малѣйшей правды, да все же не хорошо и опъ одной славы. — Нѣтъ, пане голова! не давайте насъ въ обиду.»

— Какъ хочешь, Уласовна! — Пожалуй, мы эшо все говорили ему, такъ ничего не слушаетъ, да кричитъ.... да такъ спрашно, что мы съ писаремъ и теперь еще прясемся. Известное дѣло: служивый, да еще и Капишанъ! —

»Хорошо-же! — подумавши сказала Вѣкла: — пойдите же къ нему, и скажите, пусть немного погодить, пока я съ дочерью выберемся къ сосѣдамъ...«

— Вопъ пакъ бы и давно! — сказалъ, голова, поспѣвая къ Капишану. — Кто можетъ спорить пропивъ него. —

Скоро ворошилъ голова, и сказалъ, что когда услышалъ Капишанъ, что Вѣкла хочетъ выдти къ сосѣдамъ, шо запужилъ даже и сказалъ: — »Не можно ли ее какъ нибудь удержать?« — А я говорю — ни жодною мѣрою не можно; баба очень спорлива. — »Такъ чортъ съ нею!« — Не прогнѣвайшесь, Уласовна; эшо онъ пакъ сказалъ: — »Не надобно ни ее, ни кварширы, я придумаю свое.« — Такъ я взялъ и пошелъ.»

Усмѣхнулась Вѣкла, и веселенька пошла домой, отвоевавшись опъ Капишана; но вспомнивъ его похвалки, что онъ хочетъ придумать что-шо, запужила, и сказала сама себѣ: буду примѣчать.

Чпожь примѣтитъ она? За Капишаномъ еще пакитакъ: известно, молодецкое дѣло; но и моя Оксана — такъ продолжала думать Вѣкла: — нужды нѣтъ, что всегда весела, шуслива и жартовлива, но не загубить себя, побойшя причинить и мнѣ смерть; она знаетъ что есть грѣхъ и погибель; она не напустила на себя славы.»

И правда. Перестала Оксана рѣзвиться и бѣгать къ подругамъ; все сидитъ дома, и шо шепетъ, либо прядетъ, всегда за дѣломъ. Сначала сиживала у окошечка; но замѣпивъ, что Капишанъ каждый Божій день хо-

дипть мимо, снявъ шапочку, кланяется ей, видѣвши это не разъ и не два, сказала мащери: »сидипте, мамочка, вы подлѣ окна; вы спаренькїя, худо видипте, а мнѣ вездѣ хорошо.«

— Вошть это еще! — говорипть мащ. — Годипсь ли мнѣ на спароспи сидть, какъ на показъ, у окна? Ты *молодь-человѣкъ*, пы дѣвка; шебъ *подоба* сидть у окошечка: будепть идпи добрый человѣкъ, увидипть, что пы *трудоица*, полюбипть, спанепть искашь шебя. —

»И, мамочка! этого не говорипте,« сказала Оксана, и пересѣла къ лавкѣ, подалье опть окна. Мащ уштыцаепсь, что дочь не поддается ни на какое дурачеспво; занїялась своею работою и, опть спароспи худо видя, ковыряепть иглокою кое-что, а шого и не примѣчаепть, что дочь, сїдя за работою, *умывается слезами*.... Она очень поняла, съ какими мыслями хопѣлъ Капишанъ перейспи къ нимъ на кварширу! и ночью все думала: »шакъ вошть какъ онъ любипть меня«....

Не удалась Капишану хипроспъ съ кварширою, придумалъ другое.

Скоро послѣ шого вошли къ Вѣклѣ въ хашу спароспы (свапы): одинъ, шаки, сосѣдъ ея, а другой, шакъ себѣ, лишь бы подшакивашъ для порядка, не знающїй ничего, солдапъ. Начали говорипть *законныя рѣчи*; Вѣкла слушаепть, а Оксана не показывается изъ комнащы, прислушивается, что изъ этого будепть. Какъ договорили до конца все, что слѣдовало *по закону*, шогда опкрылось, что они свапаюпть Оксану.. за Капишанскаго денщика....! — »Опдай, говорипть первый спароспи: — пани-машка! — Дочери швоей будепть хорошо, и въ хорошъ походитъ и въ добртъ поживепть: Капишанъ жалуетъ своего денщика, на свой кошпъ свадьбу *справитъ*, и наградипть ихъ....« предшавляли ей много и сего и шого, подобнаго.

Сердешная Оксана, все штышившая себя думкою, что это спароспы пришли опть Капишана свапашъ ее за самаго его, услышавши рѣчи спароспы, ударила себя въ грудь и припала къ подушкамъ, чшобъ мащ не

услышала ея рыданія!... Старая Вѣкла также поняла всѣ злые умыслы, огорчилась крѣпко, и шутъ же хотѣла проводить ихъ съ грубостью и опить ихъ наопрѣзъ, чѣмъ и до самаго Капитана дошли ея рѣчи, но вспомнивъ, что въ такомъ *важномъ* дѣлѣ, каково есть сватанье, надобно все веснн приспойно, выслушавши ихъ, смотрѣла на нихъ долго, и попомъ, будто съ веселостью, чѣмъ не оскорбить ихъ, сказала: — «А что, люди добрые? Не изъ *брехуновки* ли вы?»

— Чѣмъ по какъ? — спросилъ первый староста, смутясь порядочно.

«Да такъ, — говоритъ мать: — «я вижу чѣмъ оно есть. Нѣтъ въ вашемъ дѣлѣ ни словечка правды. Вижу, къ чему все эшо идетъ.» И шутъ, не выдерживая уже, начала говорить прямо: «Есть на небѣ Богъ милосердный! Онъ не повелѣваетъ ругаться надъ сиротствомъ. Тяжкій грѣхъ обижать кого бы то ни было, не только сироту. Какъ солнце на небѣ, такъ у всякаго человека слава. *Лихо* тому, кто погубитъ ее самъ, лучше тогда не жить на свѣтѣ; а еще горше тому, не прощенный грѣхъ, кто опиниметъ у беззащитнаго славу! Какой эшо человекъ, что подкапывается подъ нее, и еще славу дѣвичью, сиротскую. Не хочу ни золота, ни серебра, если чрезъ него погибнетъ дочечка моя, моя упроба, мое *парожденіе*!... Лучше мнѣ самой навязать ей камень на шею и утопить въ рѣкѣ, чѣмъ опдашь на *согрѣшеніе*, на *поругательство*!...» Господи милоспивый! чѣмъ прогнѣвала я Тебя, что слышу такое себѣ посмѣяніе?!» И начала плакать тихо, попомъ сказала: — «видишь, люди добрые, шуда, откуда пришли, и къ тому, кто прислалъ васъ. Грѣхъ, спыдъ, *соромъ* Капитану! онъ благородный, онъ письменный (грамотный), онъ знаетъ за что грѣхъ и чего не должно дѣлать.... другихъ, что въ командѣ его, долженъ бы опводить опъ всего худаго, а не самому злой примѣръ подавать!»

Вотъ въ такія-то сливы вскочили наши старосты! Поймали облизня, напекли раковъ! Не оглядываясь ушли

изъ хашы. Разсказывали послѣ, что какъ объявили все Капитану, такъ опѣ злости заскрежесалъ зубами...

Оксана, Оксана! гдѣ твои шушки и игры? Гдѣ твои панцы и скокы? гдѣ твои пѣсни и щебешанья?... Все *минулося*, все прошло! Гай, гай!.... Та же дѣвка, да уже не та! Нигдѣ въ бесѣдѣ ее не видно, въ разговорахъ не слышно, все дома и дома сидитъ, словечка не промолвитъ, пары изъ успѣ не пушитъ! Держитъ въ рукахъ работу, а иглока шить же опдыхаетъ... сидитъ за гребнемъ, вершено лежитъ на полу, а она руки опустила, головку склонила, смотритъ — и не видитъ ничего, и не рѣдко, слѣзка изъ глазокъ капъ, капъ, капъ!.... Была румяная словно макъ, теперь день опѣ днѣ все блѣднѣе и блѣднѣе; щечки прежде полненькія, теперь запали. Глазки, что блестѣли какъ звѣздочки, теперь припухли и словно чѣмъ заволочены, что, словно, и не глядятъ ни на что, не видятъ ничего. Цѣлый день будетъ сидѣть съ матерью, и если мать не заговоритъ къ ней, то не услышитъ опѣ нея ни словечка. Когда же мать и спроситъ что: — «не знаю, мамочка!» одинъ опивѣтъ у нея. Часомъ же и такъ случилось, что мать спрашиваетъ о ложкахъ, а она ей отвѣчаетъ о шелѣнкѣ.....

«Что съ тобою спалось, моя доненька? — спрашивала мать: — не болитъ ли у тебя что?»

— Не знаю, мамо. Кажется ничто не болитъ. —

«Не хочешь ли чего съѣсть хорошенькаго? Скажи мнѣ, я потчасъ тебѣ доставлю.»

«Нѣтъ, мамо, ничего не хочу. —

«Не пугишь ли ты о чемъ?»

— Нѣтъ, мамо. —

«Такъ я же знаю что ты пугишь, и знаю о чемъ. Ты сокрушаешься, что Капитанъ думалъ про насъ, что мы за его золото пушимся на грѣхъ, и что я продамъ твою славу, а черезъ то и мою душу? — Чтобъ онъ того не дождалъ! И чтобъ ему *тяжко и вѣско* было, какъ моему сердцу, видя, что мое милое дитя, моя порошокъ въ глазу, мой цвѣточекъ завядаетъ,

сохнешь какъ былиночка....« и съ симъ словомъ прижметъ ее къ сердцу.... и плачущъ объ....

Оксана, Оксана! зачѣмъ ты шепть же не рассказала матери всего, зачѣмъ не призналась ей, о чемъ ты именно плачешь?..... Это были бы послѣднія твои слезы!

Какъ не спали видѣшь Оксаны ни на улицѣ и нигдѣ, по, иногда, подруги приходили къ ней либо шипъ, или прясъ, чпобъ развлечь ее по пѣсенками, по веселыми разговорами, но все ничего! И смоприпъ, и слушаешъ, но даже не усмѣхнешся на ихъ хохопъ. Бѣдная Вѣкла, глядя на скорбь дочери, шужипъ, накупипъ ей орѣшковъ, пряничковъ, нажарипъ рыбы, гороху съ масломъ.... опвѣдаешъ глядя на подругъ, чпо шъ ѣдапъ на весь рошъ — и оспавипъ. »Не хочу, мамо! мнѣ въ душу ничпо неидешъ.« Далѣе шакъ исхудала, чпо едва держалась на ногахъ. Безъ знахарокъ и ворожокъ не обошлось: *выливали переполохъ*, умывали опъ уроковъ, шепшали *отъ глазъ*, и мало ли чего не дѣлали,.... но все ничего и ничего.

Кромѣ подругъ-дѣвокъ, навѣщали ее и молодыя женщины: Оксану любили всѣ въ шомъ селѣ. Между ними была Мелашка, молодица проворная: не было шой свадьбы, гдѣ бы она не была *свашкою* (почетною женщиною, учреждающею порядокъ по особой часпи). На масляной *соючить* колодку (привязывать ее молодымъ парнямъ, зачѣмъ въ минувшій мясоѣдъ не женился, и взяпъ съ него выкупъ), она первая приводница. *Отколядуютъ* дѣвки въ первый день праздника Рождества Хриспова, она собрала молодицъ, повела ихъ колядовапъ. Спаровапъ парубка съ дѣвкою, ее подавай: она сведешъ и свадьбу устроишъ. Вопъ какъ спала она навѣщапъ Оксану, да начала съ нею все шушу, шушу, какъ, гулякъ! — наша Оксана спала немного опдыхашъ. Уже поѣшъ и бѣрику, пожелаешъ капустки съ свишною, и уже, часомъ, усмѣхнешся чему случипся. Далѣе и далѣе, уже говоришъ: »пойду я, мамочка, прохожуся, или за ворошами посижу, или къ Мелашкѣ схожу.«

Мать радешенька, сама ее выпровождаетъ. И что сходитъ Оксана къ Мелашкѣ, то восторгается все веселѣе, все здоровѣе.... память прошла и вся бѣда: спала наша Оксана и здорова, и *полновидна*, и румяна какъ была; и убирается и наряжается каждый день, и опять *взяла свою натуру*: щебечетъ, смѣется, выдумываетъ разные рассказы, хохочетъ, къ матери ласкается — и чувствъ ли еще не веселѣе спала, чѣмъ прежде была.

Что же это такъ Мелашка сдѣлала ей? Вѣрно восторжила надъ нею, или что другое сдѣлала, что все *лихо*, какъ рукой сняла, какъ изъ воды выпатила нашу Оксану?.... Эге! — Она хорошо повосторжила; она подлѣзла къ Оксанѣ, и спала рассказывать, какъ любилъ ее Капишанъ, какъ *убивается* за нею, слыша, что она нездорова, и что самъ, не видая ее, хочетъ умереть.

«Такъ ли любилъ, какъ онъ!» — начала, сквозь слезы говорить Оксана, а самой спало веселѣе на сердцѣ, что есть кому рассказать свое горе и наговориться о Капишанѣ. —

«Если бы точно любилъ, такъ не хотѣлъ бы меня погубить, не попилъ бы моей чести....» Тупъ и рассказала все, къ чему приводилъ ее Капишанъ.... а сама такъ и заливается слезами.

Тупъ Мелашка и распустила свои ляды. Ей только и нужно было, чтобы Оксана высказала свои мысли и надежды.... Тупъ она и начала.... и начала Ужъ такая щебешунья, не выбрешетъ, какъ захочетъ оправдать кого!... И начала, шопотомъ, рассказывать, какъ и самъ Капишанъ жалѣетъ теперь, что такъ попустилъ, и уже не будетъ, да у него и думки такой нѣтъ, и еслибъ только увидѣться ему съ Оксаною, такъ онъ расскажетъ ей, какъ думаетъ кончить все....

«Что ему думать? Чѣмъ ему кончить? — сказала Оксана: — покинуть меня, бѣдную, пусть пропадаю! — Сперва было мнѣ не слушать его, не признаваться, какъ я люблю его! А теперь что? — онъ не возьметъ ме-

ня, а на безчестіе я не пойду, хоть бы и зарѣзалъ меня.»

— Да только послушай его, что онъ скажетъ! — все одно шлоковала Мелашка, и каждый день *турчала* ей объ этомъ въ уши.

Сначала Оксана и слышать не хотѣла: »не хочу его видѣть, не хочу. Я чувствую, что скоро умру, на что же онъ мнѣ? Пускай живетъ здоровъ, да обдуриваетъ другихъ.« Пошомъ, все слушая Мелашку, начала уже говорить: »не хочу его видѣть, онъ мнѣ жалокъ!« Пошомъ уже говорить: »я бы и пошла къ тебѣ, да какъ онъ примется опять за свое?« Тутъ уже Мелашка начала божишься и клясться, что онъ и не думаетъ ничѣмъ досаждать ей, а лишь бы повидѣлся съ нею хоть на часочекъ; и до того довела, что Оксана сказала: »пойду, когда машь опуститъ.« И пошла.

Не съ бѣса же лукавый Капишанъ! — Даже заплакалъ, какъ увидѣлъ Оксану, и только что ласкалъ ее, и убедительно просилъ, чтобы она ни о чемъ не тужила, выздоравливала бы скорѣе, и что онъ опкроестъ тогда такое, что опъ того будетъ счастье всѣмъ имъ.

Какъ Оксана крѣпко любила Капишана, то и повѣрила всему, а выдаясь съ нимъ часно, не думала уже, чтобы онъ замышлялъ о гибели ея. Каждый Божій день приходилъ къ Мелашкѣ, видѣлся у ней съ Капишаномъ; а онъ довелъ ее уже до того, что спали каждый вечеръ сходились подъ вербою, пропивъ ханы Вѣклиной.

Должно думать, что Пепрѣ, замѣпивъ сначала кое-что за Оксаною, когда она ходила за водою, подсматрѣвъ шеперешиія ихъ сходбища; но какъ былъ парень честный, имѣлъ душу добрую, и берегся, чтобы никого не пронуть и словомъ не осудить, то и не говорилъ никому ничего, а только, въ одинъ вечеръ, пришелъ онъ къ Вѣклѣ, все съ прежнимъ своимъ предложеніемъ.

»Какъ дочка хочешь, такъ пущь и будетъ! — опътъ дала Вѣкла. — «Если бы по мнѣ, то я и сегодня

опдала бы ее. Но я не шакаю, принуждашь не буду. Говори, доня, какъ знаешь?»

Думала Оксана, думала; щипала рукавъ у своей рубашки долгонько, даже нитки повыдергала, и насилу собралась съ духомъ сказать: »Семеновичъ! Вижу, что вы меня очень любите благодарю васъ за то и что вы обѣщали сдѣлать меня счастливою... ни съ кѣмъ... изъ здѣшнихъ парубковъ, не будетъ мнѣ такого счастья, какъ съ вами,.... но подождите еще.....« Помомъ взглянула на образъ, перекрестилась и сказала: — »Вотъ вамъ крестъ Святой, когда до Покрова не умру, или чтонибудь тогда, мамочка, какъ знаете, такъ и дѣлайте.«

Всдвинулъ Пётръ плечами, покачалъ головою, и сказавши: — »глядишь, чтобы тогда уже не поздно было!« махнулъ рукою и вышелъ изъ хаты.

— Что это за рѣчь его такая? — думавши долго Бѣкла, смошрѣла на дочь и спросила.

»А кто его знаетъ, мама, къ чему онъ сказалъ это! Можешь чтонибудь о себѣ: либо въ дорогу пойдешь, либо сыщешь себѣ другую дѣвку, такъ чтобы мы не жалѣли о немъ.....«

— Оксана, Оксана! — смошри!....

И Оксана уже на шею у матери уже обвилась около нея и *выцѣловываетъ* ее.... »Можно ли, чтобы пивоя Оксана довела бы тебя, хоть слезинку спустишь о своей долѣ? Я буду радоваться, я и тебя принесу счастье! Никогда не заплачешь черезъ меня, не вздохнешь обо мнѣ потому что мнѣ лучше вотъ шутъ передъ шобой на эшомъ сполѣ мершвой лечъ, чѣмъ погубишь себя, да не только погубишь, даже славу испустишь о себѣ.....« И сказавши это, скокъ-скокъ изъ хаты подъ вербу, гдѣ Капишанъ дожидаль уже ее.

»Что же, мой орликъ! что будешь съ нашего *жениханья*? — Пётръ приспаетъ ко мнѣ, мать скоро начнешь принуждашь; а мои подруги слышали отъ солдаповъ, что вы скоро пойдете отъ насъ въ походъ.« — такъ говорила Оксана, сидя на колыяхъ у Капишана,

обнявши его одною рукою, а другую онъ держалъ. —
 »Если ты пойдешь, а меня шуть оставишь, тогда
 услышишь про меня.....«

— А вошъ что будетъ — сказалъ Капишанъ : —
 мы собираемся въ походъ, я повѣнчаюсь съ тобою и
 возьму тебя. —

И спали они любясь, и сколько разъ ни сходились, въ первый разъ Капишанъ сказалъ теперь, что онъ женился на ней.

Чтожь Оксана? — Всплеснула руками, задрожала... и едва могла проговорить : »И этому правда?..... Скажи мнѣ, какъ передъ Богомъ!«

— Какъ передъ Богомъ говорю тебѣ, моя Оксаночка, что такъ оно будетъ. Я давно женился бы на тебѣ, да бумага на наше вѣнчаніе не пришла еще изъ полка. Я такъ думалъ, не говоря тебѣ прежде, и получивши бумагу, взявъ тебя за руку и повесивъ въ церковь. —

»Такъ я же матери объ этомъ скажу.....«

— Нѣтъ, моя Оксаночка; еще не часъ говорить ей объ этомъ. Я вошъ какъ думаю. Не говоря ей ни словечка, мы обвѣнчаемся, придемъ къ матери, принесемъ ей шелковыхъ плашьевъ, плашковъ разныхъ, золотиспыхъ *очипковъ* и всего, что прилично для *пѣней*; пошому что и она спанетъ *пѣнею*, какъ будетъ Капишанскою пещею. А что тебя наряжу, такъ....

»Мнѣ ничего не нужно, — кинувшись ему на шею, спала его *выцѣловывать* и приговаривать: — »только бы мнѣ въ эти каріе глазочки глядѣть и цѣловать, и эшъ щечечки, губоньки.....«

Такъ долго миловались и условившись обо всемъ, чтобъ въ воскресенье имъ вѣнчаться, и тогда уже обвивъ матери, разошлись. Оксана бѣжипъ домой и земли подъ собой не слышипъ.... съ Капишаномъ, котораго она такъ любила, не разспанетъ уже по вѣкъ, сама она спанетъ *пѣнею*, мать будетъ жить въ богатствѣ, въ роскоши.... чего ей еще желать?.... Есть ли кто счастливая какъ я? думаетъ Оксана вѣжавши въ хату...

но и досадно ей, что мать уже спать легла, какъ это и часто бывало, что не ожидала дочери, — а ей некого приласкать и миловать.... сама себя не помнишь опъ радости!....

Воскресенье не далеко; надобно бы Оксанѣ собираться замужъ... такъ чего ей собираться? И плашья, и рубашки, уже ей это не нужно, у нея будетъ все *панское*.... А рушники и подарки при свадьбѣ?... но у пановъ не по нашему.... такъ думаетъ наша сердешная Оксана, и ни о чемъ не заботишься, когдабъ только скорѣе наступило воскресенье....

Вечеромъ въ субботу, только лишь сошлись подъ вербою, Капишанъ и говоритъ Оксанѣ: »Знаешь что, душка? Завтра упрямъ мы вышупаемъ въ походъ....«

— А какъ же это? — испугавшись вскрикнула Оксана.

»Не бойся ничего. Моя бумага у Полковника. Завтра я опведу къ нему солдатъ, возьму бумагу и буду сюда въ вечеру. Гляди, дожидай меня, не заходи далеко, и матери ни полсловечка не говори.... А что за славное плашье я пригосовилъ ей! Ужъ подлинно, на всю губу будетъ пани!«

Ужъ когда Оксана слышала, что матери ея будетъ хорошо, такъ она уже ни о чемъ больше и не думала, и что хочешь ей скажи, все сдѣлаетъ и всѣхъ послушаетъ. — Вотъ она и начала воображать, какъ мать удивится, обрадуется.... »Когдабъ въ нашей церкви вѣнчались, чтобъ и подружки мои повидѣли, какъ я панию наряжуся« —

Чего-то уже шутъ не брехалъ Капишанъ! Чего не выдумывалъ, чтобъ только одуришь нашу Оксану! А она, сердешная! какъ барашекъ подъ ножъ, какъ рыбка на удочку, сама кидается и цѣпляется.... вѣришь всему!

Хотя только до завтраго разсѣивались, но Оксанѣ что-то очень грустно было!.... Все бы она плакала — и сама не знаетъ чего!... »Это, можетъ, опъ того, что я иду замужъ, покидаю свое село, свою хашу, свои сундуки?... Пустъ кто хочетъ забираетъ, я спану

пѣнею, пойду въ походъ.... Каково-то мнѣ еще будетъ на пансвѣ!....» Задумалась.... и всплакнула, сама не зная чего.

Въ воскресенье упрямъ проводили солдапъ какъ долгъ величѣ. Капитанъ верхомъ, кланялся и прощался съ спариками, поклонился и шуда, гдѣ спояли женщины и дѣвки, и Оксана съ ними. Поклонившись, ускакалъ на конѣ, сколько духу было! Тупъ *чего-то* къ шой купѣ, гдѣ спяла Оксана, подошелъ Пешрѣ, и увидѣвши, что она говоритъ съ подругами и хохочетъ, поглядѣлъ на нее, всдвигнулъ плечами — и пошелъ себѣ.

»Вопъ шакъ-шо, мамо, сдѣлай, какъ наша Явдохъ Горшковѣзовна!» сказала вселенькая Оксана, ворошяся къ мапери.

— А что она сдѣлала? — спросила мапъ, продолжая рѣзать лапшу къ обѣду.

»Помандравѣла за солдапами.«

— Io? —

»Далѣбѣ. Да еще среди дня. Всѣ видѣли, какъ она въ обозъ пряпалась. Демкѣ подошелъ къ ней, смѣялся надъ нею, шакъ еще она ему языкъ солопишъ.«

— Чпожъ мапъ? —

»Голѣсипшъ, не чпо!«

— И не умерла опъ пуги и соруу людскаго? —

»Жалко смотрѣшъ на нее, какъ она плачетъ! Въ самомъ дѣлѣ, на спаросши, оспалась одна какъ перешъ.— У-у-у! — Если бы я поймала ее, вопъ шу *бузовѣрку*, я бы ей голову сняла, чпобъ не покидала мапери и не дѣлала спыда на все село!«

Это шакъ имъ чудно было, шакъ занимало ихъ, что онѣ цѣлый день шолковали о Явдохѣ и о ея бѣдной мапери. Хотя мапъ и посылаетъ Оксану, ради *недѣленьки святой*, проходишъся къ подругамъ, но она никуда не хочетъ и изъ хапы не выходитъ: »не хочу, мамо! мнѣ весело съ шобою.« Только лишь солнушко начало склоняшъся къ вечеру, какъ она уже и выглядываетъ Капитана.... а его нѣтъ; уже и къ вечеру.... нѣтъ; вашло солнушко.... нѣтъ Капитана.... Оксана въ слѣзы....

»Что же? — говоришь: — хоть и обманулъ, да не на-
смѣлся.... Если не умру съ шоски, то смогу и забыть
его. На себѣ все *лихо* перенесу, а ужъ никому, никому
не скажу.«

Такъ сидишь она на присѣбъ своей халты и по-
скуешь, попому что очень смеркло. Какъ вопъ.... Ка-
пишанъ — и схватилъ ее за руку. — »Пойдемъ, Окса-
на, вѣнчаешься.«

У Оксаны шакъ сердце и замерло.... »Пойду - жь
я... къ мапери....« сказала.

— Не можно, Оксана; послѣ придемъ. —

»А благословишься? «

— Она послѣ насъ поблагословишь. Пойдемъ, ду-
шка, скорѣе; священникъ ожидаешь. —

Не шла Оксана, а онъ шацилъ ее.

»Куда же вы идете? Вонъ гдѣ церковь, а вы куда?...«

— Не можно, душка! Я полковой, шакъ и вѣнчашъ
долженъ полковой священникъ. —

»Гдѣ же эшо?«

— Вопъ шущъ, недалеко, въ селѣ, гдѣ полкъ нашъ
ночуешь. Вершъ восемь.... —

»Такъ что же эшо шакое?« — вскрикнула Оксана,
и гошова была упасъ, руки и ноги одеревѣли.... а
Капишанъ почши несешь ее.

— Пожалуста поспѣшимъ скорѣе. И священникъ
ожидаешь, и гости собрались на свадьбу.... скорѣе иди,
вопъ и бричка моя.... — поѣдемъ. —

»О мамочка моя?.... Охъ, ворочуся я, да все ей раз-
скажу!....«

— Куда ты будешь ворочаться? Она уже далеко,
а вопъ шущъ бричка. Скорѣе садись, мы черезъ часъ
воропимся къ ней, да и подарки для нея, все у меня,
шамъ. —

»Скажи ты мнѣ въ послѣднее: не обманываешь ли
ты меня?«

Тупъ и началъ Капишанъ божишься и кляшься,
что всему эшому правда, и повпорялъ уговаривашъ
Оксану, чтобы скорѣе садилась; но видѣвши ее упор-

ство и слыша просьбы, чшобы оппустилъ ее прежде къ мащери, онъ схватилъ ее и, положивъ въ бричку, самъ сѣлъ и закричалъ: »пошелъ!« — Кони помчались какъ стрѣлы.....

Оксана плачетъ навзрыдъ, Капишанъ не занимается его, а знай погоняетъ лошадей. Не замѣшкали прѣхашъ.

Капишанъ ввелъ въ свою квартиру Оксану, почти безчувственную.... она кинулась на поспелъ, обливаясь слезами.....

Капишанъ крикнулъ: »Горбуновъ! Бѣги къ бапюшкѣ, скажи, чшобы шелъ вѣчать скорѣе. — Понимаешь?«

— Слушаю, Ваше Благородіе! все понимаю! — сказалъ денщикъ, и будно побѣжалъ.

»Дайте намъ чаю!« приказывалъ Капишанъ. — »Напейся, душка, чаю; ты совсѣмъ обезсилѣла, упадешь подъ вѣнцомъ.«

— Не хочу вашего чаю.... опъ роду не пила его, и не хочу.... Опвезите меня къ мащери.... —

»Надобно выпить хопъ немного, привыкай. Теперь станешь панею, должно пить всякій день. Хопъ ложечку вышей, когда любишь меня.«

Въ горлъ запеклось у ней, языкъ высохъ, силъ нѣтъ вовсе, нужно освѣжиться, проглотила ложечку чаю.... сладко, пріятно.... еще ложечку приняла... »Напейся изъ спакана....« опвѣдала.. еще... и еще — и вышила весь спаканъ.

Полежала, освѣжилась, стала бодрѣе, приподнялась, какъ будно повеселѣла, не опказываешь опъ другаго спакана, пьешъ и прихваливаетъ.... глазки заблнспали... Защебешала наша Оксана! Знай рассказываетъ, какъ она вырядилась подъ вѣнецъ, какъ прѣдешъ къ мащери, какъ па удивилась, обрадуешь.... а шущъ прешій спаканъ сама взяла и выпивши, уже очутилась у Капишана на колѣнахъ, поешъ свадебныя пѣсни и припѣваетъ къ себѣ, попомъ что-то забормшала и повѣсила головку....

Напилась Оксана офицерскаго чаю! Будешь, сердешная, помнишь его, и по вѣкъ оскomiны не сбудешь.....

.....

»Пропала я шеперь совѣтъ!...« не своимъ голосомъ крикнула сердешная Оксана, какъ, проснувшись ушромъ, увидѣла гдѣ она, и какъ погубила себя.... Господи милосивый!... Спойтъ и не можешь устоятъ на мѣстѣ, блѣдная какъ смерть, прясется вѣтъ шѣломъ, и какъ сцѣпила руки, такъ онѣ въ ней и окоспенѣли; расплетенныя волоса рассыпались по плечамъ, глаза смотрятъ и не видятъ, что шунтъ лежишь Капишанъ: погубишь ея, и спишь покойно!...

Проснулся и онѣ, и видя такую Оксану, что словно смерть, бросился къ ней, чшобъ уговаривашъ ее, схватилъ ее за руки, рукъ не разведешъ; посадилъ ее на постель, она и съла... но клонился, клонился и повалилась съ постели на полъ лежишь не жива.

То водою опливали, то шерли ей виски, то укусу давали нюхашъ, кое-какъ, наконецъ зъвнула сердешная!.. Подвела глаза къ Богу... и едва-едва проговорила: — »зарѣжьте меня шеперь.... совѣтъ!« Тутъ Капишанъ кинулся къ ней, спалъ ее уговаривашъ, спалъ умоляшъ, чшобъ не убивалась такъ, чшобъ не шужила, что эшо ничего, что воптъ они обвѣчаюшся, примутъ законъ, и онѣ покроешъ все какъ долтъ велишъ.

Хотя и дышешъ Оксана сидя на кровати, на кошпору посадили ее, но не занимаешся какъ онѣ хлопчешъ около нея, не слышишъ что онѣ говоришъ: взглянула глазками и проговорила: »Мамочка!.. гдѣ ты?...« да какъ зарыдаешъ!....

Горбуновъ, денщикъ, солдатское сердце — и шопъ глядя на нее, ушпиралъ слезы.

А Капишанъ все вьешся около ее и просишъ, чшобъ не шужила, что эшо ничего, да чшобъ одъбалась скорѣе, пора ѣхашъ.

Не слушаа его ничего, такъ, горькая, и повалилась ему въ ноги. Охватила ихъ руками, цѣлуешъ, обливаешъ слезами уже не изъ глазъ, а кровавыми, оптъ самага сердца, и начала молишъ его: — »Капишаночку, Ваше Благородіе!... не знаю какъ васъ еще больше возвеличишъ! Будыше мнѣ брашомъ... болѣе: батенькомъ роднень-

кимъ!... Послушайте меня бѣдную, погибшую совѣмъ... возмите ножъ, моею рукою вырѣжьте сердце мое, рѣжьте мою душу, заколите меня!... Я недоспойна жить на Божіемъ свѣтѣ..... мнѣ не можно бытъ между людьми!... Я убила машиночку мою родненькую?... Чшо она теперь безъ меня?... Она не переживетъ шакого стыда!... Я сгубила мою славу!.. Я запропастила душу свою?... Какъ вспомню про мамочку мою, живая бы пошла въ землю! Машиночка моя, родненькая!... Чшо я надѣлала себѣ? — Эшо ли швоя Оксана?... Эшо ли радость швоя?....»

Такъ приговаривала Оксана, а сама, прежде плакала горько, рвала волосы, била въ грудь себя, попомъ оцѣнь обомлѣла и повалилась на полъ.....

Какъ шумъ солдатъ вбѣжалъ и крикнулъ: «пожалуйте, Ваше Благородіе, все гошовой; вась ждуть!»

Капитанъ, обтерши слѣзы, онъ и самъ хотѣ и чершвая душа, а не могъ не плакать, видѣвши спрданія Оксаны, схватилъ ее безчувственную, завернулъ въ солдатскую шинель, и вынесши на рукахъ, уложилъ въ бричку.... Повезли ее дальше!

Ни жива, ни мершва лежить наша Оксана въ бричкѣ. Очувствуется немного, видишь, везуть ее, денщикъ сидитъ при ней. — Взглянешъ до Бога, слезами обольешься: — Господи милоспивый? я ли эшо? — И эшо все со мною спалоса? — Машиночка моя! не проклинай шу, чшо была швоею доненькою! ...

Оспановились на квартирѣ въ другую ночь. Оксана изнемоглась совѣмъ. Ни ѣсть, ни пьеть — и не воспоминай ей.

«Не хочешь ли, душка, чаю?» — спросилъ ее Капитанъ, хлебчучи изъ стакана и закуривая пирубкою.

— Будь проклятъ онъ опъ меня! — задрожавскрикнула Оксана: — шо не напшонокъ, шо адскій огонь.... и какъ замолчала, шо уже сколько Капитанъ ни заговаривалъ къ ней, какъ ни развлекалъ ее, шакъ ни одного слова не добился опъ нее; она все вздыхала пшажко, и по временамъ клала на себя крестное знаменіе.....

Какъ вопъ ночью, прислушивается Оксана, всѣ спящъ крѣпко пихонько вспала, обулась - не обулась, одѣлась - не одѣлась, чужь слышнымъ шагомъ идешь ... идешь едва духъ переводишь, идешь ... къ дверямъ ... тихо опворила... и вышла. Тупъ она свободно вздохнула и смѣле пошла къ выходу.... Ночью, въ попемкахъ, едва опыскала запоръ, и опъ робоспи и безсилія очень долго оподвигала его ... и все попи-хоньку, оспорожно, чпобъ не заспучашъ и не разбу-дишь спящихъ въ хашъ, денщиковъ. Двигаешъ засовъ и боишся, прясеся и думаешъ, какъ она выбѣжишь на улицу, какъ побѣжишь куда зря, спрячешся гдѣ нибудь пока разсвѣнешъ, а шамъ пойдешъ.... и не куда же, прямо къ мапери.... »Умру опъ гнѣва мапери, но близъ ея серденька!« шакъ думаешъ она.... и вопъ — оподвинула.... дверь, спасибо не скрипишь, тихо опворяешся.... вопъ и опворила совѣмъ, переступила уже черезъ порогъ.... »Кпо идешь?« крикнулъ часовой, чпо споялъ у двери Оксана помертвѣла! Преспрашннй солдашъ, съ предлиннымъ ружь-емъ, схватилъ Оксану за руку и съ силою впихнулъ ее въ хашу, и крикнулъ: Эй! вы спите, а дѣвушка ваша ушла было; а опъ Капишана доспалось бы и вамъ и мнѣ.« Тупъ проснулись денщики, подняли Оксану, упавшую на-полъ, когда пихнулъ ее солдашъ. А шупъ и Капишанъ проснулся, и началъ выговаривашъ Оксанъ, за чѣмъ она думала уходишь? »Эшого не можно уже и подумать!« сказалъ онъ.

Ушромъ не выходили изъ того селенія, солдапамъ нужно было опдохнуть. Пришелъ одинъ Офицеръ къ Капишану, размашпривалъ Оксану, и началъ ему завидо-вашъ, чпо шакую красивую дѣвку доспалъ себѣ. По-шомъ, будшо и добрый, сказалъ, чпо ходилъ къ священ-нику, чпобы вѣнчалъ Капишана съ Оксаною, и совѣмъ бы все кончилось, топчасъ бы повѣнчали, шакъ опъ ея мапери нѣтъ бумаги, а безъ того и вѣнчашъ не мож-но. Послали, говоришь, какъ можно скорѣе, и когда не сегодня, шакъ завшра неопмѣнно придешь бумага.

Оксана спойшь склонивши голову, и не говоришь имъ ничего.

Попомъ, попомъ же Офицеръ спалъ говоришь, что Капишану въ походъ не можно возить съ собою дѣвки, а должно переодѣть ее денщикомъ. Надобно, говоришь, эшѣ косы опрѣзать и волосы оспричь.

Капишанъ кликнулъ денщика и приказывалъ оспричь Оксану. Только лишь попомъ приспущилъ, какъ она выхвативъ ножницы, какъ вскочивъ — и вскрикнула: »Не допущу никого!.. Не умѣла сберечь своей славы, не достойна и дѣвичей красоты!« И съ симъ словомъ, разомъ опрѣзала — какъ и не было! — славную русую, долгую, густую, шелковистую косу! Оксана схватила ее въ руку, прижала къ сердцу, поцѣловала... и горько-горько заплакала попомъ и прочіе волосы на головѣ также сама оспригла, собрала волосы, оплакала ихъ и говоришь: »Такъ тебѣ, Оксана, и надо; згубила свою славу, ходи осприженная!.. Еще вчера должно было меня оспричь. — Честная дѣвка красуется косою, а пакая, какъ я, всегда бываетъ осприжена.«.... Собравши свою косу съ волосами, завернула въ плашокъ и положила къ сердцу.

Капишанъ думалъ, что ему многого шруда споить будетъ принудить ее одѣться въ платье мужчины, и началъ ее уговаривать къ тому, а она говоришь: »дѣлайте что хощите съ осприженною Оксаною!... она все погубила: и славу свою, и косу, и разумъ; ей не должно ничего дѣвичьяго носить.« — И попомъ одѣлась свободно, не переставая плакать.

Сердце боливъ, рассказывая, сколько и какъ спрадала наша Оксана, и что переносила отъ своего губителя, злаго Капишана!... Не можно и пересказать, какъ онъ возилъ ее съ собою по походамъ, какъ ее берегли ночь и день, чтобы не ушла. Если же собираются къ нему Офицеры, то она должна была споять у дверей, подавая шрубки и проч. Называли ее »Ванькою,« надѣдали ей шушками и разными прибаутками. Она же молчивъ передъ ними какъ спѣна, и ни пары изъ устъ не пущивъ; только вздохнетъ и подумаетъ: »Слушай, Оксана! — ты это заслужила.«

Безсовѣстный Капитанъ еще-таки не переспавалъ ее обдуривать. Еще-таки, когда Оксана, не вытерпѣвая своего бѣдствія, расплечется и начнетъ его упрекать, какъ онъ погубилъ ее, — то онъ, будто и начнетъ жалѣть ее, и спаваетъ по прежнему божишься и кляшься, что онъ непременно обвиняется съ нею, только что вопъ не пришла бумага опъ мащери — и начнетъ ей представлять разные свои выдумки. Она, сердешная, хопя и не вовсе, но иногда, немного, и повѣритъ, и думаетъ себѣ: «можетъ онъ и въ самомъ дѣлѣ когда нибудь почувствуется и раскается въ убійствѣ моемъ?.. Еще подожду, до случая.»

Уже и мальчикъ есть у ней... Тупъ — то Капитанъ, при той женщинѣ, куда заблаговременно завезъ ее для такого случая, шупъ уже смертельно божился и, снявъ со стѣны образъ, присягалъ, что если Оксана сохранишь дщя, такъ онъ тогда же и обвиняется съ нею, чтобы всѣмъ избавишься грѣха. Боясь же, чтобы она не исполнила своего намѣренія, не ушла бы, какъ о томъ часно въ большемъ огорченіи проговаривалась, онъ, не давъ ей хорошо оправиться, взялъ ее изъ деревни къ себѣ.

Не видя ничего къ успокоенію своему, Оксана рѣшилась пуститься на хитрости.

Спала веселенькая, переспала шужить, сдѣлалась говорлива даже съ Капитаномъ, или и даже съ Офицерами, когда сойдутся. Про мащ не вспоминаетъ и про вѣнчанье молчитъ.... Вопъ, ей спало больше воли. Примѣчаетъ, уже не такъ и присматриваютъ за нею, а даже вовсе не караулятъ. Далѣе и далѣе, ей уже можно, сначала съ солдапомъ, а потомъ и самой провѣдывашъ свое дщя, Дмишрика, кормившагося въ ближней деревнѣ. Можно ей, какъ захочетъ, и на базаръ одной ходитъ, хопъ до половины дня. И она ходитъ по базару, и если нападетъ на знающихъ, то она и спрашиваетъ, на какія мѣста идти такой-то губерніи, до такого села? Кпо знаетъ, рассказываетъ ей, а она все замѣчала.

Въ одинъ день она приспала къ Капитану съ горькими слезами, чѣмъ бы онъ сказалъ ей рѣшительно, покроешь ли онъ когда свой грѣхъ, обвиняется ли съ нею? Супоспашъ смѣялся, а потомъ снова подтвердилъ свои кляпвы, и что не пройдетъ недѣли, какъ онъ кончитъ все съ нею. Но въ пошъ же вечеръ, когда собрались къ нему Офицеры и спали лишь чай съ проклятою подливкою, погубившею навѣкъ Оксану, по зашелъ между ними разговоръ о ней; и шунъ Капитанъ сказалъ, что онъ и не думалъ никогда утопить себя, женясь на ней «а вольно ей, дуръ, вѣрять было и даже шеперь ожидать; что она ему наскучила, что онъ гоповъ проиграть ее въ каршы кому угодно, или помѣняйся на собаку.....» Оксана не слушала болѣе... и какъ денщики заняты были по своимъ дѣламъ, а о себѣ знала, что се уже не спросятъ занявшись пиршествомъ, которое будетъ продолжаться всю ночь, она, взявши свою шинель, свернула и положила на мѣсто, гдѣ всегда спитъ, и умошила такъ, что будто по человѣкъ лежитъ, а потомъ выбѣжала изъ хаты, со двора, и бѣгучи все улицами, выбѣжала изъ города и прибѣжала въ шу деревню, гдѣ кормился Дмишрикъ ея.

Войдя въ хату, такъ и кинулась къ ногамъ женщины, кормившей Дмишрика, и рассказала что задумала. Эта молодница знала все, что было съ Оксаною, и не одинъ разъ она плакала съ нею «о такой ея години;» подумала, что какъ уже ей заплачено за кормленіе впередъ, а если Оксана сдѣлаетъ что задумала, такъ меня — думала она — и подозрѣвать не станутъ. Тушъ же одѣла Оксану въ женское платье, спаринькой плашокъ на голову, поношенную крѣпко шубу болѣе для дияппи; закушала Дмишрика, которому было уже болѣе года, и положила его на руки ей. А платье мужское, что скинула Оксана, и нѣсколько пеленокъ отъ дияппи, взявши пошла съ Оксаною.... къ пруду.... Ночь; никто не видалъ ихъ — и онъ, шунъ же у берега, положили все эщо, чѣмъ бы подумали, что Оксана съ ди-

пѣшею ушопилась, и давши Оксанѣ гривну денегъ на дорогу, женщина эша проводила ее за деревню.

Въ самую глухую, шемную полночь, оспалась Оксана въ полѣ одна, какъ палецъ! Идши бы ей, боишся, и куда идши, не знаешъ: помнишь какіе города ей спрашивашъ, а не знаешъ, въ кошорую сторону пуспишся. Подумала, подумала Оксана, послѣ и говоришь: — »умѣла ты, Оксана, покинушь машь, умѣй же и найши ее! — Не боялась *мандровѣть*, не бойся же возвращашся. Хопѣла жишь въ роскоши, шерпи же шеперь холодъ, голодъ и всякую бѣду! — чшо же дѣлашь? — Но знаю, чшо шагъ, шо далѣе опъ грѣха, а ближе къ мащери... Господи благослови!.. « перекрестилась и пошла.

Ночь была шакъ шемна, чшо дорогу не иначе можно было видѣшь, какъ шолько присматриваясь. И опъ страха, чштобы ее кшо не оспановилъ, и опъ радости, чшо вырвалась изъ ада и изъ рукъ самага сашаны, Оксана дрожала какъ бы опъ сильнаго холода, шо и пуспилась идши скорѣе, чштобъ согрѣшся. Немного прошла, а уже и начала ушавашъ; припомъ же, кромъ того, чшо была въ шубѣ, былъ съ нею и узелъ съ пеленками для дѣтяши, и съ хлѣбомъ и кое съ чѣмъ, чшо добрая женщина—спасибо ей! — дала на дорогу. Пройдя немного, Оксана сядешъ и опдыхашъ; наконецъ, выбившись изъ силъ, прилегла на землѣ, и думашъ:

»Иду я къ мамочкѣ моей родненькой.... жива ли шо она еще?.... Можетъ съ шуги и печали умерла, чштобъ не видѣшь сшыда, какой нанесла я на ея старенькую голову?.... И уже вѣрно, чшо умирая, проклѣла меня!..... у-у-у-у!.. спрашно!.... земля не сдержитъ. — Когда же она жива?.... о, Господи!.. какъ явлюсь къ ней?! . Это ша Оксана, чшо была для нея радостью, ушѣхою, чшо машь величалась и ушѣшалась ею!.. Это Оксана, чшо смѣялась съ Горшковѣзовны, бѣжавшей съ солдатами; слышала, какъ машь удивлялась, чшо Явдѣхина машь не умерла опъ сшыда и печали, а сама, въ шо же время, шуда же *помандровѣла*! .. Явдѣха, можетъ, шопъ же черъ и ворошила, а Оксана, эша гордая, пышная

Оксана, что не думала за мужика выдти, что величалась надъ всѣми, эша повѣсилась на шею Капишану, захопѣла разомъ спать пѣною, паскалась съ нимъ по всему свѣту.... Воптъ шебъ, мамо, Дмишрикъ. Няньчись съ нимъ, пошѣшайся имъ; эшо зарабопокъ швоей Оксаны.... доспала шебъ чеспи и уваженья. Бери его, мамо, на руки; выноси его на улицу, похваляйся добрымъ людямъ: «воптъ что зарабопала моя Оксана!... Ни самая послѣдняя дѣвка въ нашемъ селѣ не сдѣлала бы того, что дочь моя, почишаемая всѣми за первую!... Разспупись, сыра земля, прими меня, чшобы не видѣла я маперинскихъ слѣзечекъ, горькаго воздыханья опъ спыда, чшо я нанесла ей!»

Такъ горько плача и приговаривая, лежала на землѣ Оксана близъ своего Дмишрика, чшо спалъ закушанный въ шубу. Плакала-плакала глядя на него, и думаетъ: «на что родился опъ на свѣтъ?... На стыдъ, на лихо, на горе. Нигдѣ не скроешься опъ насмѣшекъ, изъ байстрюка не выйдетъ. Мать моя не захочетъ видѣть его, проклянетъ вмѣстѣ со мною, я должна буду пряпашься съ нимъ опъ людей!... Прибери его, Господи! пока не дошла я еще къ маперш!.. Когдабъ звѣрь, или чшо.... А я?... развѣ я человекъ?....» закричала Оксана необыкновеннымъ голосомъ, вскочила съ земли, выпрямилась и начала быспро озирашья по всему полю. Въ глазахъ засверкали искры, дыбомъ спали волосы, проптянушыя руки окостенѣли.... — «Я люшѣ всякаго звѣря!.. я убила свою мать родную.... по каплѣ выпила кровь ея!... такъ пожалѣю ли своего дитяши?... Оно не дитя мое, оно врагъ мой!... какъ покажусь я съ нимъ къ маперш, въ село свое? Оно мнѣ спыдъ, срамъ, вѣчное посмѣшище!... Не нужно мнѣ его.... пропадай, выродокъ нечеспиваго рода, врага, губителя моего!.. О-о-о-о!.... Какъ бы попался мнѣ камень, шущъ бѣи аминь ему! только по головкѣ крѣпче.... и не пискнуло бы!... Нѣшъ, не такъ. Воптъ шущъ въ канавъ, вырою ему ямку, положу его любенько.... да разомъ и засыплю землею... и

могилку выведу; оно и не почувствуетъ ничего, славно заснѣтъ..... Ищи, Капитанъ, своего сына!....»

И говоря эшо, обѣими руками, на взрушенной въ канавѣ землѣ, принялась рыть ямку, а сама хохочетъ дико своей выдумкѣ. »Покрою на вѣкъ свой спыдъ, никто и знать не будетъ!« — Такъ думаетъ она.... Опѣ сильного горя, сердечная Оксана была почно вит ума.

Вырыла ямку, обдѣлала, очистила ее — и гошова. Начинало разсвѣтатъ. Вставши на ноги, глянула на могилку, крѣпко вздрогнула всѣмъ тѣломъ.... но скрѣпила сердце... быспро бросилась за дыпяшею, приговаривая: »Сступай, Дмишрикъ! полно тебѣ, Капитанскому сыну, спать на голой землѣ. Вопъ тебѣ вѣчная кваршира гошова!....«

Подбѣжала къ дыпяши, протянула руки, чшобъ взять его.... а оно, малюпочка! — проснувшись, смѣется такъ мило - себѣ, протянуло къ ней ручки, и крикнуло: »мамо... мамы!« да такъ жалобно, словно проспитъ, чшобы мать не губила его.... Крѣпко вздрогнула Оксана, потомъ скрѣпясь, кинулась на дыпя, схватила его.... а дыпя, не понимая ничего, охватила ручонками шею матери, цѣлуетъ ее... и лепечетъ: »мамо!.. Бозя!....« Оксана обезпамятѣла и не почувствовала, какъ упала на землю!....

Ушренная роса и прохладный вѣтерокъ освѣжили ее, она почувствовала... глядишь, и не знаетъ гдѣ она. Дыпя ползаетъ около нея и, чшо могло еще выговаривать, все лепечетъ: »мамо... Бозя!....« Тупъ вспомнила Оксана на чшо рѣшилась!... вспомнила — и морозъ пробѣжалъ по ней.... увидѣла могилу, чшо пригосовила было для своего дыпяши, быспро вскочила, схватила дыпя на руки, и какъ спрѣла, пустилась бѣжать опѣ того мѣста, а опбѣжавши, кинулась на колѣна, положила дыпя, и со всѣмъ жаромъ начала молишь-ся Богу, класъ земные поклоны, и шущъ же налагала на себя обѣщаніе, чшо уже никогда и ни за чшо не сдѣлаетъ ребенку никакого зла, будетъ сохранять его, донесетъ до дому и, если мать не благо-

словить его и опкинетъ опъ себя, всѣ будутъ имъ гнушаться, упрекая, будутъ звать его *байстрюкомъ*, и какое бы ни было ей поруганіе, посмѣяніе, она все перенесетъ; не покинетъ сына, вскормитъ его и до разума доведетъ. »Когда я не умѣла быть дочкою — такъ говорила она сама съ собою: — »такъ буду матерью; гонялась за панствомъ и роскошью, буду переплыво переносить сыидъ и всякое наругательство.« На все рѣшалась она, и все гошова была вышерпытъ, лишь бы Богъ просилъ ей эмотъ пѣжкій, смершельный грѣхъ, что она хотѣла сдѣлать надъ сыномъ. Только лишь кончила молитву, шупъ ясное, чистое восходящее солнце освѣтило ее.... И Оксана стала покойнѣе въ душѣ: утерла слезы, подкрѣпила себя пищею; закутавъ дѣтя, прижала его къ сердцу, гдѣ всегда лежала, завернутая въ платокъ, ея дѣвичья коса — и, съ швердою мыслію, пустилась въ путь, разговаривая съ дѣтями: »Бозя!... мамо!« А шупъ она начала учить его еще новому слову: »баба.... баба!« И Дмиприктъ лепешалъ за нею, и ловя ея слезы, падавшія на него, смѣялся — и пономъ уснулъ.

Много рассказываешь, какъ наша сердешная Оксана съ своимъ Дмиприкомъ чрезъ всѣ мѣста проходила до своего села. Иногда случался добрый человекъ, подвозилъ ее, а больше того, что она все шла. Неся дѣтя, рукъ не чувствовала; ноги опъ ходьбы утомились; гдѣ выпроситъ поѣсть чего, а гдѣ и ничего не дадутъ, то она, отдавая послѣднее дѣтями, крѣпко голодовала. Вошь уже доходитъ.... Вошь уже все ближе, все ближе къ своему селу... и сердце замираетъ въ ней.... И какія думки на душѣ у ней!.. Какъ явиться предъ матерью?.. Чшо мать скажешь ей?.... Еще жива ли?.... Горечко пѣжкое!....

Сколько и какъ она шла, а таки дошла. Уже верстъ десять остается ей до села. Она думаетъ: »хотѣя уже и поздно, но если въ послѣднее поспѣшу, шо хотѣя ночью, а дойду-таки до дому.« Пошла скорѣе.... Но какъ у нея одна думка и все о матери: какою она увидитъ ее, или

уже на кладбищѣ опыщенъ только могилу ея, такъ она идетъ, но ноги не двигающіяся; сполыхаеиъся, оспановиися, оиъиъ поидеиъ, дрожииъ всѣмъ шѣломъ, горло пересохло, гдѣ найдеиъ какую нибуиъ воду, освѣжииъ запекшиися успа, оиъиъ поидеиъ.... Духъ ей захваиъиваетъ, вовсе не сможеиъ, сядеиъ.... Оиодохнула ли хоиъ немного, или ниъиъ, вздумаеиъ поспѣшаиъ, оиъиъ вскочииъ, оиъиъ поидеиъ, и оиъиъ не на долго.... И че-резъ шо опоздала крѣпко. Полуночная звѣздочка взопла, а она еще далеко оиъ села. Изнемоглась совсѣмъ, а шуиъ начало разсвѣшаиъ; она уже завидѣла церковь.... И шуиъ же упала на колѣна.... »Церковь Святая! я входила въ шебя чистая и непорочная! Достоянна ли буду съ своими грѣхами спати въ шебъ?« — И какъ горько плакала она, споя такъ долго и молясь! Землю смочила слезами и подумала: »воиъ какой ралеиъ (принось, подарокъ) принесла я на родимую землю!.... Не долго я буду сквернииъ шебя, спупая по шебъ, земля моя родимая!... Не спупляиъся, приими мое грѣшное шѣло по смерти, хоиъ за шо, что я упрю и вечеръ буду шебя поливати слезами!....«

Посилилась чшобиъ вспати, но не смогла никакъ, и шуиъ же на дорогѣ лежала, спюная и плача.

Упрю. Обвидѣло; ѣдеиъ человекъ по дорогѣ въ село. Видииъ, что-шо лежииъ на дорогѣ.... Подошелъ ближе... женщина съ ребенкомъ, вѣрно больная, лежииъ, плачеиъ, спюнеиъ, руки ломаеиъ. »Чего шы, молодица, шуиъ, на дорогѣ легла?« — спрашиваетъ ее человекъ.

Взглянула Оксана по голосу, присмотрѣлась приспально.... »Охъ, Господи!«.... крикнула, припала къ землѣ, заплакала навзрыдъ и сказала: — »Покрой меня, сырая земля. Пуспъ я не вижу....«

— Да кто-шы такая?... Больна шы, что-ли? —

Оксана не говорииъ ничего, только плачеиъ горько.

— Да ну же, скажи: когда шы больна, шо я подвезу шебя — сказаиъ человекъ, и начаиъ поворачиваиъ ее, чшобиъ узнаиъ, что это такое.

»Убей меня, Пётръ! — крикнула Оксана: — »Убей на эпомъ мѣспѣ.... Я спану Бога молишь за тебя.»

— Да кто это такой? — Чшо-шо я не познаю тебя! —

»Убей Оксану!.... Раздави ее пятою!

— Оксана!.... Ты ли это? — крикнулъ Пётръ, и опшсупилъ опъ нея, сцѣпилъ руки, съ большимъ удивленіемъ разсмапривалъ ее....

И можно ли было ему узнать Оксану? Онъ зналъ ее здоровою, полновидною, румяною, веселою, игривою дѣвушкою, сегодня разряженною, а завтра еще лучше. А теперь, видишь, лежишь передъ нимъ *что-то* худое, пощее, сухое, блѣдное, сомѣлое, почернѣвшее въ лицѣ. Не одѣжа на ней, а нищенское лохмотье, голова повязана грязнымъ, запасканнымъ, дырявымъ *очипкомъ*; лежишь, не можешь вспашь, и плачешь горько.

Добрая Петрова душа!.... Бросился къ ней, поднялъ ее, посадилъ и самъ сълъ подлѣ нея; упѣшалъ ее, самъ поплакалъ съ нею. — И какъ она, прежде всего, приспала къ нему, чтобы сказалъ ей о мапери, живали она, и какъ живешь, шо онъ и разсказалъ.

»Твоя мапѣ, Оксана, жива, да чшо съ того? Лучше бы ей Богъ смерпъ послалъ! Вопъ я шебъ все разскажу. Въ попъ вечеръ, какъ ты.... шаво.... какъ шебя уже не было, она не хвашилась шебя, легла спать, думая, чшо пы, какъ и часто бывало, возврапишься поздно. Какъ же видишь упромъ, чшо шебя нѣтъ и чшо пы не ночевала дома, вопъ шупъ уже она не знала чшо и подумашъ! Побѣжала къ сосѣдамъ на совѣтъ, на порадѣ.... Черезъ часъ, по всему селу заговорили, чшо Оксаны нѣтъ! — Не можно и разскашъ, какъ бѣдная старуха швоя горевала!.... Но все-таки никто не могъ додумашся, гдѣ пы дѣвалась. Никто не замѣшилъ, чшо-бы пы съ кѣмъ изъ служивыхъ любила; о Капшанѣ-же никто и не думалъ. »Когда-жъ она не за москалями побѣжала — такъ шолковали люди: — такъ или ушопилась, или *что*. Искали въ прудѣ. Какъ вопъ, нашъ Кондрашъ ворошилъ; его брали съ подводною

подъ солдатскія вещи, и онъ ночевалъ у дяди въ помѣ же дворѣ, гдѣ и Капишанъ спалъ на кварширѣ. Слышнѣ Кондрашъ, какъ люди разсказываютъ, что Капишанъ изъ нашего села привезъ какую-то дѣвушку. Чпобъ подсморгнѣть, кшо она такая, и не изъ дочекъ ли его какая, заглянулъ въ окно.... Это Оксана, сиднѣ у Капишана на колынахъ, веселая, обнимаеиъ его, цѣлуеиъ и свадебныя пѣсенки себѣ же припѣваетъ.... Правда ли это, Оксана? Было ли это?»

Оксана склонила голову, оперла слезу.... Пепръ продолжалъ:

«Ну, нужды нѣтъ, это онъ такъ разсказывалъ. — Онъ, говоришъ, удивился, но какъ не его дѣло, шо и опошелъ себѣ. На другой день Капишанъ поилъ водкою своихъ людей и хозяевъ; Кондрата также угощали.... Не плачь, Оксана, и не спыдись; я разсказываю какъ говорилъ онъ. Вопѣ Кондрашъ воропившись, да къ Вѣклъ, да прямо и говоришъ ей: »Не ищете своей Оксаны; она-такъ-и такъ, шамъ-и шамъ.«.... Тупѣ уже не знали чшо и дѣлашъ съ швоею матерью! Она не заплакала, а только вся одеревенѣла.... Начали ее упѣшашъ, она молчнѣ и приспально сморгнѣ въ уголъ хаты. Я былъ при этомъ, и не ошходилъ опѣ нея.»

Оксана хотѣла чшо-то сказаиъ въ благодарноснѣ ему, но, за слезами, не могла выговоришъ ни слова.

»Молчала Вѣкла, молчала — и такъ страшно глядѣла на всѣхъ, послѣ и заговорила такое, чшо и разсказаиъ не можно!.... То кричала, чпобъ ловили солдатъ, чшо душу украли изъ нея, чшо уже въ ней нѣтъ души, чшо она уже не человекъ, а колода, ни на чшо не нужная и ни къ чему не пошребная. Пошомъ помолчавши, начнеиъ просишъ людей къ себѣ на свадьбу, чшо она идеиъ за Капишана, и начнеиъ убираиъ себѣ голову чѣмъ понаю, вмѣшо скиндячокъ, какъ прилично невѣстѣ; пошомъ начнеиъ припѣватъ себѣ свадебныхъ пѣсенъ; а какъ — говоришъ пошомъ: — будеиъ у меня доня Оксаночка, гѣрная да перегѣрная.... да шупѣ же, съ сердцемъ, и закричишъ: — шо я ее за ножки,

да объ лавку.... Убью гадину!.... Убью змѣю!... Она изъ меня кровь высосала, она.... да шупъ уже понесетъ шакое, чпо не хочу шебъ и рассказывать; шы и шакъ крѣпко плачешь.»

»Полно-же, полно, переспань! — говорилъ Пётръ, видя ее заливающуюся слезами: — »слушай, чпо я еще далѣе буду шебъ рассказывать. Долго шакъ спрадала машь швой. Мы думали, чпо она пронулась въ умъ; однако, сякъ-шакъ, шо молодицы, шо зинахари освободили ее, она пришла въ память.... Такъ чпо же? Тупъ, какъ поспигла ее бѣда, шупъ и напали на нее наши мѣрскія шивки. Первое чпо земское начальство съ громадою присудили, какъ Вѣкла есть *бѣздушная*, сына и прѣмьшца у ней нѣтъ и не будетъ, шо ся землю взявъ, обрашши въ общественную; вошъ начальники и раздѣлили ее между собою. Тупъ писарь по книгамъ нашеть, будшо швой, Оксана, дѣдъ, его дѣду долженъ былъ пшдешать рублей, и о шомъ бумагу чпшаль передъ громадою.... а громада чпо знаешь? Присудили вашъ дворъ опшдать писарю.... вошъ швой машь и пошла скинаться по сосѣдамъ....»

— Моя машь у сосѣдей?! — крикнула Оксана, ломая руки, и рыдая припала къ землѣ: — эшо я довела ее до шого!....

»Какъ же она вышла? — продолжалъ Пётръ:—»Со всѣмъ обообрана! Чпо пошло на леченье, шо явились добрые люди, и брали чпо хотѣли, за какой-шо, когда-шо долгъ, а другіе прямо подкрадали, шакъ чпо Вѣкла, съ богашой на все село, въ чемъ спояла, въ шомъ и перешла къ Миколѣ Шпырь. Безъ меня они шакъ управились; я шогда ходилъ въ дорогу. Воропившись, гляжу, совсѣмъ разорили ее, бѣдную, и свели ни на чпо! Хопилъ всшупиться за нее.... Не шронъ, — сказала мнѣ Вѣкла: — Богъ съ ними! эшо мнѣ ничего. Когда Оксана чпо сдѣлала, а уже люди!.... и къ чему мнѣ все эшо безъ нея? Помру и бѣзъ имущества. Она погуляеть съ Капишаномъ, получишь много денегъ, будетъ жить въ роскоши, а я хопъ и на смешь умру, для ней мало горя!»

О, какъ плакала и билась сердешная Оксана! Если бы могла, сама на себя руки подняла бы, слушая, до какой бѣды довела она мать свою!... Какъ умѣлъ, шакъ и уговаривалъ ее ПепрѸ, и спалъ придумывать, какъ явишься ей къ матери. Оксана ничего шого не слушала. »Пойду,« говоритъ: »прямо къ ней, какъ мандровѣла опъ нея. Умру у ногъ ея! — Пусть что хочешь, шю и дѣлаешь со мною!«

Долго думалъ ПепрѸ, пошомъ сказалъ: »какъ шебъ, Оксана, и появишься въ наше село? Тебя засмѣютъ, закаркаютъ, *про-свѣту* не будетъ шебъ. Послушай меня. Садись на мой возъ, я провезу шебя шакъ, что никшо и не увидишь. Тамъ ошынцу шебъ приличное платье, и пройдемъ мимо улицъ къ пан-опцу, пусть пашъ обвѣчаешь, да шогда и явимся уже къ матери. Она, увидѣвши, что шы уже введена въ законъ, не шакъ будетъ на шебя печалиться; а въ селѣ никшо не посмѣетъ смѣяться съ шебя, потому что шы уже будете мужняя жена....«

Еще ПепрѸ и не договорилъ совѣтъ, а Оксана уже у ногъ его!... Хватаетъ ихъ, цѣлуетъ, обликаетъ слезами, задыхается и не можетъ слова сказать: »ПепрѸ.... ПепрѸ!... шы не человекъ, шы Ангелъ Божій!... Братъ родной не придумалъ бы, чтообы шакъ угѣшилъ меня!... Что шы это вздумалъ?... Достойна ли я шого, что, шы хочешь сдѣлать? — Какъ, въ швой честный домъ, гдѣ жила богобоязненная семья опъ опца и дѣда, ввѣсти меня, пошаскуху, что и глядѣть на нея стыдъ и срамъ, что земля не держитъ ее....«

— Ты знаешь, Оксана, что я любилъ шебя *щиро*, и теперь все люблю шебя. Я знаю швою душу, шы спотыкнулась немного. Что хочешь рассказывай про Каппана, но и шы винна, я зналъ и видѣлъ все.... но — нужды нѣтъ, все забываю, и ни о чемъ не буду вспоминать, словно дѣвкою беру шебя....«

— Нѣтъ, Семеновичъ! никогда не оспыжу швоей славы, не оскрамлю семьи и рода швоего!... Я пропашая

навѣки !.... Развѣ не видишь ? — Вонъ и заработокъ мой ! —

»Онъ будетъ моимъ роднымъ сыномъ. Черезъ тебя, я и его любить буду. Послушай меня, покрой свою славу, дай ему опца, а матери сына на ушѣху....«

— Вотъ гдѣ моя слава ! — сказала Оксана, и вынула плашокъ съ своею косою и показала Пешру. — Вотъ гдѣ она ! Никто не можетъ приставить ее ко мнѣ ! Никто не взялъ ее у меня, я сама, своими руками опрѣзала, какъ и погубила сама же себя. Косу приставить, славу ворошить, никакъ не можно. Какъ смогу, мальчика выкормлю, успрою; матери, когда еще доуспишь къ себѣ, буду сыномъ, дочерью, работницею, крепачкою. Ночь и день буду работашъ, чѣмъ успокоивашъ ее за то, чего она лишилась чрезъ меня. Чужаго же вѣка заѣдашъ не хочу; не хочу, чѣмъ шы, за швою доброту, шерсть чрезъ меня....

И какъ долго уговаривалъ ее Пешро ! Она же ни за что не соглашалась, хопя и видѣла, что онъ великое добро дѣлаешъ для нея и для матери. Не захопѣла, чѣмъ онъ проводилъ ее чрезъ село и защищалъ онъ насмѣшекъ. »Какъ заслужила, такъ и услышу все, я и не того еще достойна !« сказала она наконецъ.

Потуживши, поѣхалъ Пешро своею дорогою, а Оксана, подумавши, поплакавши взяла сына перекрестилась, пошла селомъ....

Прежде всѣхъ встрѣтилась ей молодица, изъ прежнихъ подругъ ея. Присмотрѣлась ... и вскрикнула : — »Такъ и ешь ... это Оксана ! — Мотря ! (крикнула на другую), смотри, Оксана идешъ ! — Мотря себѣ кричишь : »Да Оксана же — и съ заработкомъ !« Такъ одна по одной, и разнеслось по всему селу только лишь сердешная Оксана доходитъ до какого двора, то уже всѣ изъ хаты вышли, глядяшъ, смѣюшя съ нея, кричащъ : — »А что, погуляла съ солдатами ? — Добыла славы ? — Неси солдашченка на ушѣху матери больной ! — Иди, цеси, похвались ей байспрюкомъ. — Не смотри на меня, пѣлюга ! я себя знать не хочу !«

Воптъ такая честь была ей опть всѣхъ жителей села. Если же дѣвки выходили смотрѣть на нее, то матери гоняли и браняли ихъ. »Она—говорятъ: »за свое мандрование съ солдатами, не достойна, чтобы вы и глядели на нее. Она оспыдила все село!« а ребятишки, пакъ тѣ пуще всѣхъ. Слыша все опть старшихъ, выбѣжали на улицу, дергаютъ ее за полы, кричатъ: солдатка идетъ, байспрюка несетъ, киръ, киръ, киръ....«

Оксана, Оксана! ты ли это все слышишь, и въ помѣ сель, гдѣ, когда-то, прежде, только лишь выйдешь на улицу, то всѣ выбѣгаютъ къ тебѣ, чтобы хоть взглянуть на тебя, позавидовать на твою красу; когда же заговоришь съ кѣмъ, пакъ и помѣ радешенекъ; всѣ собираются вокругъ тебя, чтобы послушать твоихъ рѣчей, шутокъ и выдумокъ. Да что: и самый пресмартный дѣдъ или немощной, какъ выведутъ его на улицу и посадивъ на присѣ, пакъ и такой, когда, бывало, проходишь мимо его, то и онъ пакъ присмально смотритъ на тебя, и даже не вытерпѣвъ скажетъ: »вотъ дѣвка, пакъ-пакъ!« А теперь какая тебѣ честь!.... Чпо-то будешь еще опть матери?! —

Среди такого величанья, идетъ сердешная!.... а куда идетъ, не знаетъ; опть сныда, не видитъ свѣта. Плакала бы, пакъ уже и слезъ нѣтъ; сердце пакъ запеклось, чпо и слезинки не выжмешь!....

Сякъ-пакъ черезъ силу прибрела она къ Миколиной хатѣ, гдѣ, слышала она, живетъ мать ея. Скрѣпила сердце, опперла сѣни, посадила мальчика у дверей, подумала, перекрестилась, отворила дверь въ хату, глядь!.... Господи!.... кпо-то лежатъ.... на примоспкѣ, безъ пашпели, лежатъ спаренькая, худа-худа какъ скелеть! желтая, сухая, глаза впали; изъ-подъ спараго, грязного очипка висятъ клоки сѣдыхъ волосъ, сама покрыва спарою, диравою шубою, рука свисла.... а рука изсохшая, словно щепка; спитъ, но и во снѣ спонетъ....

»Кпо это?« — думаетъ Оксана. — »Неужели это мамочка моя?.... Не такую я оставила ее!.... хоть и спаренькая была, но была поновидная и не сѣдая....

Кпо же эшо?« — Спойшт какъ вкопаная.... прясешся!.. совсѣмъ гопова упастъ. Тупъ у нея слезы приспушили къ самому сердцу.... и полились рѣкою!.... Не выдержала, проговорила всхлипывая: «мамочка!.... родненькая!... шы ли эшо?....»

Спаруха открыла глаза, быспро посмотрѣла на Оксану.... и зажмурилась. Потомъ оняпъ взглянула, и приспально присмапривалась, потомъ вздрогнула, начало подергивать лице ея, глянула къ образу, подняла руки.... и крикнула «охъ!».... и Оксана бросилась къ ногамъ ея, доспаштъ ихъ, хвашаетъ чшобъ поцѣловашъ, а сама заливаешся слезами.... Вѣкла — эшо она и была, — освободила ноги, привсшала, съла, прясешся, руки поднимаетъ къ Богу, силпшся чшо-шо сказатъ, и не можетъ.... Оксана лежпшт на землѣ, мочпшт ее слезами, потомъ спшала на колѣни, поймала руку матерп — и хопя ша ошпимала — по оно-шакп держпшт и выцѣловываетъ ее.... и шо же не можетъ проговорпшт слова.....

Наконецъ, нѣ скоро, спаруха черезъ силу проговорила: «Иди себѣ шуда, куда пошла оптъ меня. На чшо я тебѣ?»

— Охъ, мамочка!.... шолько и слышно оптъ Оксаны. Спаруха продолжаетъ:

«Мнѣ безъ тебѣ легче было. Добрые люди, чужіе люди, не оспавляли меня.... я не могу смопрѣшт на тебѣ.... Ты сама знаешъ, какъ свела себя; а чшо я ... Иди себѣ ... шы мнѣ не нужна!....»

Закрыла лице руками, силплась еще чшо-шо говорпшт, но не могла, а шолько спонала....

«Мамо!... Бозя?...» — эшо Дмиприкъ, чшо мать оспавила его въ сѣняхъ, въ опворенную дверь вползъ шуда же въ хашу, и съвъ, разсмапривалъ вездѣ, указывая ручонкою, лепепалъ: «мамо!.. Бозя!..»

Быспро взглянула на него Вѣкла, вздрогнула всѣмъ шѣломъ и спросила: «Се вонѣ?»

— Вонò, мамочка! — сказала Оксана ... и какъ сказала! шумъ слышно было и раскаянiе, и спыдъ, и спрахъ, и ожиданiе....

Спаруха мрачно посмопрѣла на дитя, невольно просянула къ нему руку, но вдругъ ошвернулась опъ него совсѣмъ, хотѣла упасиъ на подушки, но зарыдала горько....

»Бозя... Бозя!« лепешалъ Дмиприкъ.

— Подай мнѣ его — слабымъ голосомъ сказала Вѣкла.

Оксана, сама себя не помня, схватила ребенка, положила на руки мащери, и припала къ ногамъ ея....

Принявъ дитя на руки, Вѣкла долго смопрѣла на него, слезы капали изъ глазъ ея ... она перекрестила его: »Во имя Ошца и Сына и Святаго Духа! — погубила мащъ, не сгубила невинной души, не взяла новаго грѣха на себя.«

Дмиприкъ, сидя у нея на рукахъ, знай лепечешъ что знаешъ: »Бозя баба!...«

»Такъ, Ангелокъ Божій!« — сказала Вѣкла, пригнувши его къ себѣ: »Буду тебѣ бабою, дамъ тебѣ мащъ. — Бозя, душечка! Богъ и Самъ прощашъ грѣшниковъ, и намъ грѣшнымъ велишъ прощашъ врагамъ нашимъ. Мащъ швоя, и среди грѣха своего, чувшвовала, что она мащъ, не сгубила тебя.... Пусиъ же радуешся побою и меня успокоивашъ. Вспанъ, Оксана! иди къ сердцу мащери ... будь дочерью опашъ, когда ны знала что пакое еси мащъ! ...

Господи! и разскапати шого не можно, что шумъ было между ними! Сколько онѣ плакали, какъ обнимались... Оксана все выспрашивашъ мащъ, опъ всего ли сердца прощашъ ее, пошому что, опъ радости, не вѣришъ своему счастью.....

И весь день прошелъ въ ласкахъ и разсказахъ, кто изъ нихъ что вышерпѣлъ. Спарая Вѣкла какъ будио здоровѣ спала, и все ошносилась къ Богу, чтобы и Онъ пакъ просшилъ дочь ея, какъ она проспила.

Вечеромъ видѣла Оксана, что Пётръ приходилъ къ хозяину и спрашивалъ, что шумъ было у нихъ, но къ Вѣклѣ не заходилъ.

Вотъ и начали они жить попрежнему. Вѣкла слышала какъ, при входѣ, осмѣяли Оксану во всемъ селѣ. Слышала и отъ хозяина, гдѣ онъ жили теперь, что не будетъ держать «мандрѣхи» какъ все называли Оксану. Вѣкла выждала время, и когда языки приболшались, пересуды ушали, вотъ она пригласила къ себѣ хозяина и другихъ людей, уважаемыхъ въ селѣ, и рассказала имъ про спраданія Оксанины. Какъ же довольно уже пересужали Оксану, и злословишь болѣе накупило всѣмъ, завидовать же было не кому и не чему, то, какъ шумъ бывшіе, а попомъ и всѣ вообще разсудили, что это было больше насильство, нежели своя воля.

Далѣе и далѣе, хотя гдѣ и увидяшъ Оксану, то оставляютъ ее безъ всякихъ замѣчаній, и даже начали смотрѣть на нее *пріязно*. Такъ Оксана свое знала. Отъ мащери не отходила никуда, и ни съ кѣмъ, нигдѣ, не дружилась, не зналась. Одна себѣ сидишь въ хатѣ и работаешь; мащѣ одѣваетъ и пропитываетъ, ночь и день *рукъ не покладаетъ*. Только ей и проходки, что къ церкви Божіей, за водою, да куда работу отнесши.

Когда уже обжились немного, тогда только спалъ Пётръ ходишь къ нимъ, помогать кое въ чемъ, и все свое полковалъ, чтобъ Оксана вышла за него.

Разъ, слушавши его долго, что говорилъ онъ объ этомъ, она просила его идти за нею. Вотъ и пришли на кладбище. Оксана начала говорить:

»Пётръ! я всегда знала свою добрую душу; знала, что ты честный и разумный человекъ. Мнѣ жаль было очень, что ты такъ убивался за мною. За тебя скорѣе всѣхъ вышла бы я, если бы не явился онъ погубщикъ мой! Послѣ того что я сдѣлала съ собою, я не достойна не только тебя, но и послѣдняго напуща. Тутъ, на опцовскомъ гробѣ, гдѣ и сама когда нибудь лягу, зарыта я свою славу, свою дѣвичью

косу, свою волю, свою судьбу, зарыла до суда—до вѣка. Зарывши, поклялась, что какъ не можно приспавишь снова моей косы, такъ не можно мнѣ спави до-стойною честнаго чловѣка. Не принесу никому безчестія, *не завяжу чужаго вѣка*, не оспыжу никакой семьи, не пойду ни за кого.... Пепрѣ! пы оберегалъ мою машинку, когда я погубила было ее, пы не покинулъ меня! Ты меня, когда я въ самой великой бѣдѣ была, сквозь землю пошла бы, пы не оставилъ меня на дорогѣ, уговаривалъ меня, — и когда всѣ напали на меня, смѣялись надо мною, попрекали мнѣ, плевали на меня и *цурались* меня, пы, въ самое то время, хотѣлъ женишься на мнѣ, покрышь мой стыдъ и срамъ, вступи меня между честныхъ людей.... Кто же бы сдѣлалъ такъ, какъ не сынъ моей мащери, бранъ мой родной! — Пепрѣ! будь мнѣ браномъ родненъкимъ! не покинь меня, когда я опъ всѣхъ покинуша! Прими шупъ, гдѣ моя слава, гдѣ моя воля лежишь, гдѣ и меня положашъ, прими мою кляшву, что не пойду ни за тебя и ни за кого! Для мащери буду дочерью, какъ была прежде; сыну буду мащерию, пока ... пока его опецъ... когда-то еще не опкажешся....»

— Оксана! — сказалъ Пепрѣ, пѣжко вздохнувши: — жалко мнѣ лишиться тебя! — пошому что — видишь Богъ! — и теперъ люблю тебя такъ, какъ полюбилъ сначала. Хотѣлъ покрышь швою славу, хотѣлъ показатъ людямъ, что они осуждаютъ тебя неправедно, хотѣлъ бытъ сыномъ швоей мащери, упокоишь ее въ послѣднѣ дни; хотѣлъ бытъ опцомъ швоему сиропъ, пошому что на ... на него надѣяшься нечего. Когда, говоришь, хочешь бытъ дочерью какою и была, такъ въ эшомъ, нашемъ дѣлѣ, послушаемъ мащери: какъ она скажешъ, такъ пускай и будешъ. —

Подумавши, Оксана сказала: »пускай будешъ, какъ скажешъ мащъ.« Вопъ и пошли домой.

Быслушала мащъ Пепрѣ, пошомъ Оксану — и сказала: »Пепрѣ, велика швоя душа! Пусшь тебѣ Богъ

оплакивалъ за все, что ты сдѣлалъ уже для насъ, и что теперь думаешь сдѣлать. Благодарности нашей тебѣ мало! Очень бы я желала того, чтобы еще, на своемъ вѣку, видѣть славу моей Оксаночки покрывною, но что же дѣлать! Нѣтъ грѣха пропавшаго Богу, какъ гордость наша. Это дѣвольская думка. Оксана не хотѣла оставаться, чѣмъ пославилъ ее Богъ, хотѣла величаться, въ роскоши жить, упала... пусть же цѣлый вѣкъ оплакиваетъ такую свой великій грѣхъ! и я съ нею буду спрашивать, что не сберегла ее отъ гордости. — А тебѣ она правду говоритъ. Ты молодъ-человѣкъ: ты еще не знаешь, что могутъ сдѣлать людскія рѣчи. Дождикъ по капелькѣ падаетъ на камень, да таки пробѣдаетъ его; такъ и шумъ. Спавнутъ люди говорятъ, шолокуютъ, пересуживаютъ; ты все это слышишь; сначала тебѣ ничего, а далѣе спавнешь прислушиваешься, думаешь, передумываешь; попомъ повѣришь, начнешь жалѣть, что женился на такой.... и чтобы и не возненавидѣлъ ее!... Конечно, твоя добрая душа не допуститъ тебя до того; но думки, людскіе толки, ее сокрушеніе замучатъ тебя, а какая доля ей будетъ отъ того? — Теперь она одна—душою, что ей ни встрѣтятся, она все перенесетъ, переспрашиваетъ. — И такъ, Пётръ! видишь-ли, что правда Оксанина. Будь же ей *братикомъ*; по смерти моей не оставь ее съ сироточкою; а пока живу, будь мнѣ такимъ, какъ и до сего часу вижу тебя. Благословляю тебя на это!»

— Машинка родная! — поклонившись къ ногамъ ея, сказалъ Пётръ: — прими меня, сироту, одинокого, въ свою семью. Благослови меня какъ сына! Не дурай-песь меня, и не пренебрегай мнѣ содержишь васъ. Сестра, Оксана! — Вручи мнѣ своего мальчика. Я принимаю его вмѣсто роднаго сына. Какъ ты клялась своею славою, такъ и я, вошъ передъ матерью нашею, божусь, что не женюсь никогда. Послѣ меня, владѣй — всѣмъ имуществомъ моимъ. Благослови, мамо! —

Вѣкла благословила всѣхъ ихъ, и отдавая руками Дмиприка Пепру, сказала: «пусти же онъ будетъ» Дмипрій Завяжи-свѣтъ; онъ всѣмъ намъ завязалъ свѣтъ.

Такъ и начали звать мальчика, и въ сельскіе списки такъ записали.

Вѣкла съ дочерью ни въ чемъ не имѣли нужды: Пепрѣ имъ помогать и надѣлать всѣмъ сакъ-такъ; собрались, купили дворъ и жили покойно, хваля милосерднаго Бога.

Разъ, уже лѣтъ черезъ пять послѣ того какъ все эшо случилось, Дмиприкъ вбѣжалъ въ хашу и кричашъ Оксанѣ: — «Мамо — мамо! — а у меня естъ бѣленькій грошикъ. Вошъ видишь?» и показываешъ серебряный гривенничекъ.

— А кпо эшо тебѣ, сыночку, даль? —

«Панъ даль.»

— Какой же панъ панъ? —

«А вошъ какой, — говорилъ уже Пепрѣ, вошедшій шунъ же въ хашу — Капишанъ. —

Оксана поблѣднѣла и запряслась....

«Да не пугайшесь, а слушайше что было» — говорилъ Пепрѣ: — «гляжу, на спанціонномъ дворѣ, что близъ меня, стоишъ бричка и по двору ходишъ такое какъ нашъ Капишанъ. Я подошелъ ближе... присматриваюсь, онъ и естъ. Я подумалъ, что будетъ изъ него? Покликалъ къ себѣ Дмиприка и иду въ хашу, будто къ смопришелю, а онъ и остановилъ меня и спрашиваетъ: «эшо швой мальчикъ?»

— Нѣшъ, Ваше Благородіе! — говорю я: — эшо Капишанскій. — Такъ прямо и опрѣзалъ.

«Какъ, Капишанскій?» даже вскрикнулъ онъ, и подошелъ къ мальчику.

— Такъ, Ваше Благородіе! — говорю: команда спояла здѣсь, такъ Капишанъ сманилъ у насъ дѣвку Оксану. Она ушла опъ него и принесла эшого мальчика. —

»Такъ эшо ея сынъ? Экой мошенникъ! — да какой бойкій! — и взялъ его за чубчикъ и подралъ его ле-гонько, и говоришь: — »шакъ она-таки дошла назадъ? — А мнѣ сказали, что она съ сыномъ упоилась.«

— Нытъ, Ваше Благородіе, — сказалъ я: — кое-какъ дошацилась сюда, и живептъ въ великой бѣдноти....

»Бидишь ли, какъ обманули меня! — говоришь: — »о, да плушь будептъ мальчикъ! весь въ меня.« Тупъ еще подергалъ его по за ухо, по за чубъ, а попомъ вынулъ гривенникъ, далъ ему, и говоришь: »на, опдай мащери, чпобъ купила шепъ орышковъ.« А самъ сълъ въ брчку и поѣхалъ.

Такъ рассказывалъ Пешрѣ.

Оксана взяла гривенникъ, взвела глаза къ Богу — и кинула пошъ гривенникъ за окно; прижала къ сердцу Дмишрика — и горько — горько заплакала!....

Основьяненко.